

Нина Александрова

С ДОБРЫМ УТРОМ, ЯРУШКА!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

32 коп

Школьная библиотека

НИНА АЛЕКСАНДРОВА

С ДОБРЫМ УТРОМ, ЯРУШКА!

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
Москва 1967

Рисунки Е. Медведева

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Мне довелось прожить несколько лет в Чехословакии. Приехала я в Прагу осенью, когда фасады домов были увиты красными листьями дикого винограда, а в садах румянились яблоки.

Целыми днями я ходила по Праге, любуясь её площадями и памятниками, заходила в музеи, бродила по тенистым аллеям.

Очень красивый город Прага!

Одна только была у меня беда: я совсем не знала чешского языка. Поэтому многое оставалось для меня загадкой. Я слышала речь людей — и не понимала, о чём они говорят; видела вывески — и не могла прочесть их.

Вскоре у меня появились первые знакомые, и среди них — сестрёнки Ярушка и Либуша. Знакомство наше произошло самым необыкновенным образом.

Однажды в прихожей раздался звонок. Я открыла дверь — на площадке никого. Решив, что кто-то пошутил надо мной, я собралась уже захлопнуть дверь, как вдруг прямо над ухом снова затрещал звонок. Представляете себе? Дверь открыта, я ясно вижу площадку и лестницу, никого нет, а над ухом — дзинь-дзинь! Конечно, я не верю ни в какие чудеса и привидения, но согласитесь, всё-таки это было очень странно.

Бегом я спустилась вниз и у подъезда увидела девочек, которые добросовестно нажимали одну и ту же чёрную кнопку. Так вот кто звонил! Как же я могла забыть, что у парадной двери есть звонки в каждую квартиру! Но зачем этим девочкам звонить мне? .. Кое-как мы объяснились, и оказалось, что звонили они вовсе не мне, а в свою квартиру. Надписей над звонками ещё не было — мы жили в новом доме, — и девочки ошиблись.

Так мы познакомились, а вскоре и подружились.

Девочки были славные. Ярушке, смуглой, черноглазой, шёл девятый год, она уже ходила в школу. А Либуша, младшая, ещё сидела дома.

Девочки приходили ко мне и учили меня говорить по-чешски. Мы гуляли по Праге. Ездили за город.

Как-то попали мы на ярмарку.

Чего-чего здесь только не было! Огромные, ярко раскрашенные качели взлетали вверх и вниз, вертелась карусель. Клоун зывал ребят в цирк.

Здесь можно было купить всё, что душе угодно. Витые позолоченные колечки для девочек, брошки с яркими камешками, «чёртики», разные лакомства: длинные разноцветные конфеты, мягкие, вроде нашей пастилы, леденцы, розовые облачка сладкой ваты.

Беда в том, что у нас было совсем мало денег, и я купила девочкам только по колечку.

Мы шли среди ребят, нагружённых до отказа всякими лакомствами и игрушками. И мне стало жалко моих подружек, особенно Ярушку, которая то и дело отставала от нас, разглядывая кукол.

И вдруг меня осенила мысль, — мы как раз проходили мимо тира. Что, если попробовать? Во время войны я недурно стреляла. Вдруг я выиграю одну из тех красивых кукол, которые манят Ярушку?

Мы подошли к тиру, протиснулись к самому прилавку. Там было полным-полно народу, особенно много мальчишек. Стреляли пистонами. «Три выстрела — две кроны».

У нас осталось ровно две кроны. Старичок довольно сурового вида, в вязаной куртке с отложным воротником подал мне ружьё.

Я протянула деньги.

— Так?

— Ано, ано, — кивнул головой старик.

Метилась я недолго. Если долго метиться, можно сбить дыхание. Выстрелила, и пистон, украшенный пышным султанчиком, влетел в чёрное яблочко, только не в десятку, а чуть-чуть пониже, справа. Не меняя положения, я выстрелила снова, и султанчик закачался в самой десятке. Девочки старались даже не дышать, чтобы не помешать мне. Я спустила курок в третий раз, и снова выстрел был удачным. Я и виду не показала, что рада. У стрелков так принято. Держись, будто совершенно равнодушен к своей победе, будто иначе и не могло быть. С удовольствием я поглядела на куклу с золотыми волосами, минуту назад ещё такую недоступную, а теперь уже почти нашу. У неё была широкая юбка, усыпанная золотистыми блёстками, с лёгкой синей каёмочкой. Вот и мы сейчас будем с куклой!

Старик неторопливо снял мишень и, одобрительно кивая головой, стал вытаскивать один за другим султанчики, называя очки. В общем, я стреляла прилично — двадцать семь очков из тридцати.

Но старик, закончив подсчёт, развёл руками. Я не поняла его.

— Вот, — показал он на надпись, которую я вначале не заметила.

Теперь я прочла: «Приз выдаётся тому, кто выбьет двадцать восемь очков».

У меня не хватало одного очка! Я страшно расстроилась. Я обняла девочек за плечи, и мы стали пробиваться сквозь толпу. А кукла осталась висеть на верёвочке, дожидаясь другого, более меткого стрелка... И кто-то другой уже взял моё ружьё.

— Пани! Девчатки! — послышалось сзади.

Мы обернулись. Старик протянул девочкам два лёгких бумажных шарика.

— Держите!

Ярушка и Либуша схватили их, дунули в маленькие дырочки, и из шариков с шелестом вырвались длинные яркие языки. Девочки ещё больше надули щёки, и языки стали длинные-предлинные.

А старик, мельком взглянув на девочек, спокойно занялся своим делом.

В первую минуту я подумала, что это мой приз. Но отчего же старик не отдал приз сразу?

Лишь потом я поняла: старик догадался, почему я не купила ещё три пистона, три выстрела, и пожалел девочек.

Старика этого мы больше никогда не видели. Ярмарка вскоре закрылась. Но мы не раз вспоминали его. Добро долго помнится...

Потом, когда я вернулась в Москву, дружба наша не распалась. Мы с Ярушкой стали переписываться. Домашние посмеивались надо мной. Говорили, будто я пишу для одной девочки целую книгу: от Ярушки приходили письма в полстранички, а я отвечала по целой тетради.

Ярушке хотелось побольше узнать про советских ребят, вот я и рассказывала о них.

Начерно я писала по-русски, а потом переводила свои письма на чешский язык.

Писала чаще всего, вернувшись из очередной командировки. Ведь мы, журналисты, в своих поездках по свету узнаём множество весёлых и грустных историй, знакомимся с интересными людьми!

Ярушка задавала мне вопросы. В Чехословакии, как и во многих других странах, пионерская организация появилась позднее, чем у нас. Мы — первые пионеры на свете. И Ярушке интересно было узнать, как у нас, что у нас.

Однажды она спросила: правда ли, что в СССР есть плохие пионеры? Я знала, Ярушке представляется, будто в нашей стране живут только добрые и умные люди. Она думала, что у нас и все дети хорошие. Не хотелось мне её огор-

чать и разочаровывать, да ведь друзья должны говорить друг другу правду. И я написала ей: есть, к сожалению, у нас и озорники, и лентяи. Нелегко с ними в отряде, они портят всем жизнь и себе тоже, но, если помочь им, они ещё могут стать хорошими людьми.

Ярушка мечтала стать балериной или учительницей. Другие профессии ей тоже нравились — у неё прямо глаза разбегались. В конце концов мы с ней условились: с выбором профессии подождать, — времени ещё хватит. Главное, помоему, вырасти настоящим человеком. Вот от чего зависит будущее.

Однажды я перечитала черновики своих писем к Ярушке и увидела: в нашей переписке много такого, о чём думают все ребята. Тогда я сложила письма вместе, и получилась эта книжка.

ТВОИ РОВЕСНИКИ

Здравствуй, Ярушка!

Я ещё не успела привыкнуть к мысли, что ты теперь далеко. Всего два дня я в Москве. Полно новых впечатлений. Разбираю вещи, раскладываю всё по местам, как бы устраиваюсь на новом месте.

Нет-нет да и вспомню о тебе. Взялась за свой блокнот, а в нём листок с чешскими словами — твой первый урок. Открыла чемодан, а там маленький оленёнок — твой подарок.

Вышла на морозную улицу. За три года, которые я прожила в Праге, я отвыкла от зимы. И вообще здесь многое изменилось. Исчезли старые двухэтажные домики. На их месте построены и строятся большие дома.

Москва очень выросла. Но не бойся, к твоему приезду — а ведь ты обязательно приедешь ко мне — я уже буду хорошо знать новую Москву и смогу тебе её показать. Помнишь, как ты водила меня по Праге?

Первым делом я решила исполнить твою просьбу: достать фотографии для вашего уголка «Советский пионер». Очень хорошо, что у вас в отряде будет такой уголок. Чехословакия и Советский Союз — хорошие соседи и старые друзья. Они вместе воевали против фашистов, вместе строят новую жизнь, помогают друг другу. И ребята наших стран должны дружить.

У меня хранилось много фотографий пионеров из отряда, где я была вожатой, но потом, когда я ушла на фронт, они растерялись. А на войне было не до фотографирования, хотя я встречала и там замечательных ребят. Как быгодились сейчас их портреты для вашего уголка!

Недавно пошла я в музей Советской Армии и — представляешь! — увидела там фотографии своих знакомых Пчёлку и Котова. Во время Великой Отечественной войны они были разведчиками на Волховском фронте. Там и я воевала.

Тебя в то время ещё не было на свете. Фашисты, собрав огромную, сильную армию, напали на Чехословакию, Францию, Польшу, Советский Союз. Война шла жестокая, тяжёлая, она длилась целых четыре года.

Как видишь, на фотографиях — ребята твоего возраста, твои ровесники. Им было по одиннадцать-двенадцать лет, когда они вместе со взрослыми защищали Родину. Давай перевернём страницу и рассмотрим эти фотографии.

Посмотри на первую фотографию: какие brave солдаты Саша Котов и Костя Пчёлка. Правда, когда я с ними познакомилась, они выглядели совсем не так парадно, как на снимке. Наверное, их фотографировали позже.

Познакомились мы ранним утром в лесу. Мальчики только что со своим взводом вернулись из разведки. Оба были в полушубках, шапках-ушанках и больших валенках — на их ногу, конечно, в армии валенок не было.

Усталые, они тотчас завалились спать на нарах в землянке, накрывшись полушубками. Я спросила, откуда тут взялись ребята, и мне рассказали о них. Оба мальчика жили непода-

лёку от границы. Когда началась война, они пешком ушли из родных мест и долго скитались, пока солдаты не подобрали их.

Попали Костя Пчёлка и Саша Котов к разведчикам и сами стали разведчиками. Только оружие им дали не сразу и долго не брали с собой на боевые операции.

— Оружие надо заслужить! — сказал командир.

Командир роты разведчиков лейтенант Степанищев, его я хорошо знала, правильно рассудил: раз мальчики оказались в военной обстановке, они должны стать хорошими солдатами. Иначе пропадут в первом же бою.

Тогда шли сильные бои за Тихвин. На войне бывает, что какой-нибудь маленький городок вдруг оказывается важным, за него неделями и даже месяцами идут бои. От самого городка уже камня на камне не осталось, все дома разрушены, но ни одна сторона не хочет уступить.

Такой городок на военном языке называется «ключевой позицией». Всё равно как запертая дверь дома: повернул ключ или сорвал дверь с петель — и путь открыт. Иди вперёд!

Тихвин был той «запертой дверью», за которой стоял Ленинград. Почти в самом начале войны Тихвин захватили гитлеровцы и отрезали Ленинград от всей страны.

Удастся нам выбить из Тихвина фашистов — Ленинград сразу вздохнёт легче. По железной дороге, отбитой у гитлеровцев, можно будет доставить продовольствие, оружие, боеприпасы, вывезти из города раненых, больных, детей.

На подступах к Тихвину лежали сёла, захваченные врагом. Они были сильно укреплены — не деревни, а настоящие крепости. Сначала надо было отбить у врага эти деревни.

Как дрались наши солдаты, чтобы прорваться к Ленинграду! Впереди шли, как всегда, разведчики. Им надо было узнать, где и какие войска у противника, где он слабее, а где сосредоточены у него главные силы — орудия и танки. Ведь на войне не держат их на виду.

Вот тогда-то и попали Пчёлка с Котовым в «огневую разведку», или, как её ещё называют, в «разведку боем». Это значит: идут солдаты в атаку. Рассчитывают — враг заметит их и откроет огонь. Выстрелит орудие — вспышка. Разведчики

берут его на заметку. Застрочит пулемёт — запомнят его расположение.

Представляешь, какое надо иметь самообладание и выдержку, чтобы под огнём, под пулями наблюдать за врагом!

Когда наши ворвались наконец в Тихвин, взвод, в котором служили Пчёлка и Котов, пробрался к фашистскому пулёмётному расчёту, державшему под обстрелом главную улицу. Вплотную подползли, швырнули в него одну за другой две гранаты. Это открыло путь нашим.

За взятие Тихвина Пчёлка и Котов были награждены орденами Красного Знамени. В землянке, помню, был настоящий пир. Сам генерал приехал поздравить смелых разведчиков.

Мальчика, которого ты видишь на второй фотографии, я сама не встречала во время войны. Фотографию его взяла потому, что на ней видна опасная служба разведчика в тылу врага.

Смотри, идёт по пустынной улице деревни паренёк. Вокруг как будто всё вымерло. Даже дым не подымается из труб. Все спрятались от эсэсовцев, которые расположились в этой деревне.

Покажись на улице взрослый партизан, его сразу схватят, а на мальчишку не обратят внимания.

Посмотри, как насторожён мальчик, как зорко следит он за тем, что делается за его спиной. Что там? Прибыли новые части противника, подвезли технику? Намётанным взглядом Тимоша Гиль замечает каждую мелочь. Ценные сведения принесёт он партизанам.

Представляешь, какому риску подвергал себя Тимоша и каким он был смелым: ведь он был один среди врагов!

А третий снимок я назвала бы «счастливый день». Фашистов прогнали, и партизаны вышли из леса. На груди у каждого блестят только что полученные боевые партизанские медали.

Награждены и ребята, Миша Ярук с Юрой Тарчинским. Они были вместе со взрослыми в отряде народных мстителей — так у нас называли партизан.

А что происходит здесь? Погляди на четвёртый снимок.

У фашистов была подлая повадка: отступая, они всё сжигали и взрывали. И вот этот гитлеровец спрятался в сарае, чтобы в последний момент поджечь шахтёрский посёлок Огарёвка.

Его выследили ребята. Сказали взрослым. Гитлеровца схватили. Ребята радуются: они помогли сохранить родной посёлок.

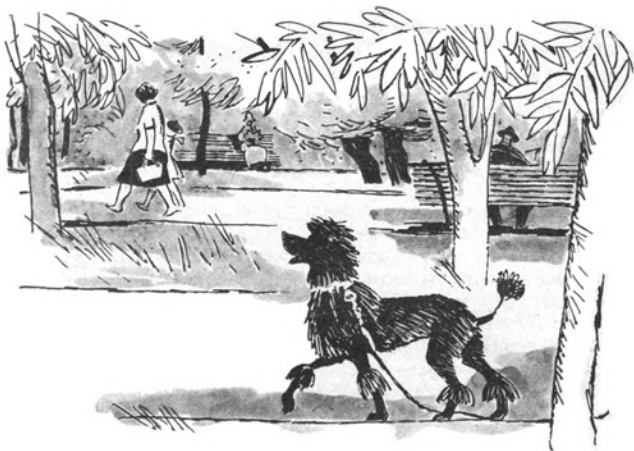
В войну каждый старался помочь нашей армии как мог. В доме, где жил Валерик Февралёв, фашисты устроили склад боеприпасов. Валерик тайком уташил и спрятал несколько ящиков с патронами. Ни один из этих вражеских патронов, ни одна пуля не причинили вреда нашим солдатам. На пятой фотографии, видишь, Валерик отдаёт ящики с патронами командиру советских партизан. Незачем держать патроны в тайнике — свои пришли!

Вот такое военное детство было у этих ребят.

Будь здорова, Ярка.

Напиши, что ещё тебе прислать для уголка «Советский пионер».

Н и н а.

НЕ БОЙСЯ ЧЁРНОГО ПУДЕЛЯ

...Рождается ли человек смелым? Как стать смелым?.. Я долго думала над твоими вопросами, Ярка. Вспоминала знакомых мне смелых людей.

По-моему, человек рождается смелым. Думаешь, легко малышу сделать первый шаг, научиться ходить? Лежал-лежал в кроватке, потом мама его водила за руку, а потом вдруг решил и пошёл сам.

И ведь каждый человек непременно делает этот первый шаг. Значит, не такой уж он трусишка.

А разве не страшно оторваться от земли и подняться в небо или отправиться в путешествие через пустыню или по дну океана, где всё так непривычно, и неизведанно, и ты не знаешь, что тебя ждёт, какие опасности подстерегают? Все

завоевания человека, все его открытия показывают его смелость.

Страх появляется, по-моему, когда кто-нибудь напугает тебя или сам себя напугаешь, вообразишь всякие страсти. Помнишь, мы гуляли с тобой в парке Стромовка? И вдруг ты сказала: «Пойдём по другой аллейке». Мы свернули вправо, хотя дорожка, по которой мы шли, была красивее и тенистее. Я сначала удивилась, а потом догадалась: ты испугалась чёрного пуделя. Правда? Я тебя тогда спросила об этом, но ты замотала головой: нет-нет!

Ты, наверное, представила себе, как пудель вдруг кинется на нас, схватит зубами: «Ага, вот где вы! Попались!..» Всё это ты придумала. У пуделя и в мыслях ничего такого не было. Может быть, он хотел поиграть с нами. Думал: «Вон идёт девочка в красном пальто, сейчас она бросит свой мячик, и мы с ней пустимся за ним наперегонки...» Пудель, наверное, очень удивился, когда мы с тобой убежали.

Я знаю одну девочку, которая плачет, если остаётся одна в комнате, она даже спит при свете. Конечно, девочка вырастет трусихой, потому что потакает своему страху. Опасности никакой нет, а она волнуется, как при настоящей опасности, и сама, конечно, от этого страдает. Страх надо преодолевать.

А почему ты, Ярушка, об этом спрашиваешь? Наверное, фотографии, которые я прислала, вызвали у тебя эти мысли?.. Сможешь ли ты быть такой, как эти смелые ребята?

А почему бы нет? Ведь и они знали страх, да пересилили себя. В этом всё дело.

Может случиться так, что и от тебя, как от Пчёлки и Котова, потребуется смелость.

Расти смелой, моя девочка!

Н.

КТО СКАЗАЛ, ЧТО ДЕВЧОНКИ — ТРУСИХИ?

Доброе утро, Ярушка!

Так, значит, о девочках... Нет, я не думаю, что мальчики обязательно храбрее девочек. Среди моих знакомых немало таких девочек, которые не уступят любому смельчаку.

Хочешь, я расскажу тебе про двух смелых девочек, которых я встретила в Гродно, где недавно была в командировке.

Про одну из них, Лиду Вашкевич, я узнала случайно. Воскресный день в Гродно у меня был свободен, и я пошла в музей. Он стоит на берегу Немана. Это старинная крепость.

Залы в ней мрачные, с низкими сводами. В одном собраны пушки, пулемёты и другое оружие партизан: во время войны в здешних лесах были сильные партизанские отряды.

Вдруг на стенде я увидела пионерский галстук. Я удивилась. Подошла поближе и прочла надпись: «Галстук пионерки Лиды Вашкевич. Она помогала партизанам». Здесь же, под стеклом, лежал и старенький рюкзак, в нём девочка носила патроны и оружие для партизан. А было ей в ту пору, прочла я, всего десять лет. Столько, сколько тебе сейчас.

Я стала расспрашивать про Лиду. Жива ли она? Ведь немало героев погибло... И где она сейчас, в Гродно или куда-нибудь уехала?

Сотрудница музея рассказала, что Лида, а теперь Лидия Ивановна Вашкевич, жива и учительствует в одной из гродненских школ.

Наутро, отложив все свои дела, я поспешила в эту школу.

Уроки уже начались. Я сидела в учительской, нетерпеливо дожидаясь перемены, старалась представить себе, какая она, эта учительница.

На перемене меня познакомили с ней — румяной, светло-волосой. Она и сейчас походила на пионерку.

— Да, это мой галстук в музее, — покраснев, подтвердила Лидия Ивановна. — Фашисты, захватив наш город, запретили носить пионерские галстуки. За это убивали. Я зашила свой галстук в муфту... Когда Гродно освободили, мы с братом вывесили наши красные галстуки в окне, как флаги.

Разговорившись, Лидия Ивановна рассказала мне о том, как она помогала партизанам.

...Лида с папой, мамой и младшим братишкой не успели уехать из Гродно до того, как его захватили фашисты. Родители Лиды были коммунистами, они связались с партизанами, вели разведку в городе и посылали сведения в партизанский отряд.

Лида об этом, конечно, не догадывалась. Как-то ночью она сквозь сон услышала стук в дверь, приглушённые голоса. Утром девочка не могла понять, приснилось ей это или в самом деле кто-то приходил. Когда она спросила маму, та ей спокойно сказала:

— Приснилось тебе всё...

Вскоре «сон» повторился. На этот раз Лида ясно видела высокого, худощавого человека, он вполголоса разговаривал с отцом.

— Это приходил дядя Коля, школьный товарищ мамы, они вместе учились, — объяснил девочке утром отец.

Дядя Коля приходил не раз. Лиду обычно к его приходу укладывали спать. Но однажды она понадобилась. В городе шла облава, фашисты искали партизан. Если бы дядю Колю обнаружили в доме, да ещё с оружием, расстреляли бы и его и всю семью. Он должен был уйти. Лиде велели проводить его за город.

Дядя Коля шёл по улице, а за ним, как бы сама по себе, шагала маленькая девочка с рюкзаком за плечами.

Девочка очень волновалась, напряжённо следила за своим спутником, боясь потерять его в темноте. Мама предупредила: если дядю Колю остановят, Лида должна идти своей дорогой. Что бы ни случилось, идти, не останавливаясь...

Ни словом не обмолвившись, они вышли из города. Дядя Коля взял у Лиды рюкзак, вынул из него наган, завернутый в тряпье, попрощался с девочкой и исчез в лесу.

Так Лида, сама ещё не понимая этого, стала помощницей партизан. С тех пор ей не раз давали различные поручения. Смелости у неё хватило бы на десятерых.

Кладбище, тёмные подвалы, куда она носила в условленные места записки для партизан, бомбёжки не могли остановить её. Представляешь, какое это было время: родители, дядя Коля, полюбивший девочку, сами посылали её навстречу опасности... Кто бы отпустил сейчас, в мирное время, десятилетнего ребёнка ночью одного на самую спокойную улицу!

Лида шныряла по дорогам, по улицам, и никому в голову не приходило, что это идёт разведчик, что, быть может, через час-другой вслед за ней двинется партизанский отряд. Лида прекрасно владела собой, никто не мог бы заметить её тревогу, страх. Помнишь, Ярушка, одна девочка говорила нам с тобой, что у неё слёзы сами текут, когда она совсем не хочет плакать? Так вот, Лида не плакала, если ей и хотелось плакать.

Вот какой случай произошёл с ней однажды.

Лида часто ходила в писчебумажный магазин — партизанам нужна была бумага для листовок.

Продавщица заметила её.

— Вон та, маленькая, — сказала она по-немецки хозяину лавки, — каждый день покупает бумагу. Зачем ей столько? — Она едва заметным кивком головы указала на Лиду.

Девочка насторожилась. По внимательному взгляду немца поняла, что её заметили. Что делать?

Бежать? Её схватят. Дядя Коля наставлял её: «Не беги. Бежать хуже всего».

Медленно подвигалась очередь к прилавку.

— Тебе, девочка, бумаги? — спросила продавщица у Лиды.

— Нет, тётяшка, чернил, — услышала она в ответ. — Лидовых, пожалуйста.

Купив чернил, Лида не торопясь вышла из магазина...

Эта десятилетняя девочка была награждена медалью «Партизану Отечественной войны» I-й степени.

Слушая мои рассказы, ты, наверное, думаешь, что смелыми люди бывают только во время войны, когда появляются опасность, враги. У меня тоже мелькнула такая мысль при встрече с Лидой Вашкевич. Я представила себе жизнь девочек теперь. Взять, к примеру, тебя или какую-нибудь нашу советскую девочку. Встала утром, умылась, позавтракала, пошла в школу. Всё тихо, спокойно. Милиционер остановит на перекрёстке автомобиля, чтобы дети могли безопасно перейти на другую сторону... Какая смелость здесь нужна?

А всё-таки и в обычной жизни бывают нелёгкие испытания. И бои бывают, правда без пуль и гранат. В том же городе Гродно я познакомилась с девочкой, которая и в мирное время была настоящим борцом, и не где-нибудь, а у себя дома.

Ты, наверное, подумала: когда пожар или ещё какая-нибудь беда случилась? Нет, Ярка, не было ни пожара, ни наводнения. В самой обычной обстановке жили мать и дочь.

Каждая мать и дочь любят друг друга. Но Жанна особенно крепко любила свою маму. Мама заменяла ей и школу,

и подружек, и всё, что приносит радость ребятам. Девочка уже несколько лет болела — лежала в постели.

Помнишь, Ярка, когда ты болела, как твоя мама ухаживала за тобой? Ты просыпалась ночью, и возле тебя непременно была мама. Ты плакала, капризничала, сама не знала, чего тебе хочется, а мама всегда за тебя догадывалась. Она подавала тебе стаканчик с вишнёвым соком, и ты, промочив пересохшее горло, чувствовала, что больше всего на свете тебе хотелось пить. Она поправляла подушку, и тебе сразу становилось удобнее, легче.

Однажды я забежала к вам ранним утром, перед работой, и поразилась, как выглядела твоя мама. От бессонных ночей у неё было такое измученное и усталое лицо, она едва держалась на ногах. Но она радостно сказала:

— Наконец-то снизилась температура! Ярушка сегодня хорошо спала.

Вот такие все матери — дети для них дороже жизни. Нет у человека вернее друга, чем родная мать. С самого раннего детства и на всю жизнь...

Жанна была очень болезненной девочкой — она не могла ходить, и её маме надо было постоянно ухаживать за ней. Я потому и напредила тебе про твою болезнь, чтобы ты понимала, как крепко должна была эта девочка любить свою маму, неустанно заботившуюся о ней. Ты лежала одну неделю, и то, я думаю, никогда не забудешь маминих забот, а болезнь Жанны тянулась целые годы.

Как-то вечером, когда мать собралась в церковь — она была набожная, — Жанна попросила:

— Мама, возьми меня с собой.

— Что ты, Жанночка! Ты не дойдёшь до церкви, далеко... — ответила мама. — А на руках мне тебя не донести, ты уже большая.

Была весна, за окном буйно цвела сирень, и Жанне так не хотелось оставаться одной дома. Она заплакала.

— Ну давай попробуем, — сказала мама и стала потихоньку одевать дочку.

Ноги ещё плохо слушались Жанну, всё же она тихо побреала, опираясь на мамину руку.

Верующие страшно удивились, увидев, кто пришёл. Все знали: Жанна давно уже не встаёт с постели. Заговорили о «чуде»: до бога, мол, дошли молитвы матери, и он исцелил Жанну — «божье дитя».

Жанна давно не видела людей, она соскучилась дома, и её радовало, что все окружили её с мамой.

Но, видно, слишком рано поднялась Жанна. Домой она вернулась со слезами. Пришлось срочно вызывать врача, и он очень рассердился, когда узнал, как далеко ходила Жанна. Нужно было приучать девочку ходить постепенно.

Доктор снова уложил Жанну в постель. Через некоторое время, понемногу набираясь сил, она стала гулять в садике.

Наступил большой церковный праздник, и священник велел матери Жанны обязательно привести дочку в церковь. Пусть верующие сами увидят ту, на которую снизошла «божья благодать».

— Доктор не позволил мне далеко ходить, — робко напомнила Жанна. Впервые она возразила матери.

— Что делать! — вздохнула мать. — Бог рассердится, накажет нас. . .

В церкви все толпились, жадно разглядывая Жанну. Она едва держалась на ногах. Подошёл священник и стал рассказывать, как однажды Жанна услышала во сне глас божий: «Встань, иди во храм» — и как она поднялась и исцелилась с божьей помощью. . .

Жанна с удивлением слушала эту историю. Никакого сна она не видела. И в церкви ей было так нехорошо, едва домой добралась и сколько после этого проболела. . . Мать рассказывала, что батюшка такой справедливый, учит правде божьей, зачем же он говорит неправду? . .

Жанна не раз ещё ходила с матерью в церковь и не раз слушала историю своего исцеления всё с новыми подробностями. Священник придумал про неё настоящую сказку.

— Мама, я не видела сна и батюшке ничего не рассказывала. Зачем он это придумал?

— Что ты говоришь? — испуганно замахала руками мать. — Разве можно так про батюшку? Он всё знает. Ты сама не знаешь про себя того, что он знает. . .

И тут первый раз в жизни Жанна не поверила матери, но не стала ничего говорить, чтобы не огорчать её. Внешне всё осталось по-старому. Мать и дочь по-прежнему ходили в церковь, только Жанна всё больше задумывалась над тем, что происходило в церкви...

Врачи продолжали лечить Жанну. Девочка смогла пойти в школу. У неё появились новые друзья — пионеры. В школе часто проводились беседы о вреде религии. И Жанна поняла, что священник обманывал людей нарочно. Сколько денег собрали в церкви, рассказывая про «чудо» выздоровления Жанны! Придумывали разные истории, но ни разу не вспомнили о врачах, которые её так долго, так заботливо лечили.

Представляешь себе, Ярка, как обидно было Жанне. Поп торговал её радостью. А на самом деле он ничуть не радовался её выздоровлению. Больную через силу заставлял ходить в церковь, маму запугал «грехом».

— Бог тебя исцелил, а ты не веришь! — сердилась мама на Жанну.

— Другие дети тоже выздоравливают, хотя и не ходят в церковь, — возразила дочка (ей было уже десять лет). — Врачи обещали, что к весне я обязательно выздоровлю, вот я и поправилась.

Мать и слушать ничего не хотела.

— Не пойдёшь на исповедь — в лагерь не поедешь, — сказала она перед началом летних каникул.

А Жанна всю зиму так мечтала о лагере!

— Мапочка, милая!..

— Пойдём на исповедь.

Жанна заплакала.

— Не пойду.

Целые дни Жанна думала о лагере. Ей так хотелось в лес, на речку. Это было первое лето, когда врачи разрешили ей поехать. Но маму, добрую, ласковую, словно подменили. Она стояла на своём:

— Не пушу!

Однажды к ним пришёл священник. Мамы не было дома. Посидел с Жанной, поговорил о школе, а потом спросил, почему Жанна не ходит в церковь.

Девочка решилась сказать всё, о чём так долго думала. Священник вдруг преобразился: куда девалась его притворная ласковость. Он сердито пригрозил — «бог тебя накажет!» — и ушёл рассерженный.

Только за ним закрылась дверь, как пришла мама. Никогда ещё Жанна не видела её такой сердитой! Прямо с порога она закричала на Жанну:

— Ты и батюшку не слушаешься?..

Почему-то она уже знала, о чём они разговаривали.

С этого дня в маленькую комнату вселилась вражда. Мать силой надевала Жанне на шею крест. Запирала еду. Била её. Она перестала жалеть свою дочку. Жанна никому об этом не рассказывала. И никто, кроме церковников, не знал, как

ей тяжело. Они хотели сломить её, десятилетнюю девочку. И не сломили.

... Вот что такое, Ярка, сила убеждённого человека.

Однажды на уроке учительница заметила заплаканные глаза Жанны, стала её расспрашивать. И тогда-то открылась вся правда.

К Жанне домой пошла делегация из школы. Учительница и пионервожатая долго разговаривали с матерью Жанны, убеждали её не заставлять Жанну молиться. Маму позвали к директору. В конце концов она сказала:

— Ну, живи как хочешь, дочка. Страшно мне, бог тебя накажет...

Прошло какое-то время — очень трудное для Жанны, — и мама, кажется, начала понимать свою дочку. А бог, конечно, не наказал Жанну.

Вот тебе рассказ о двух девочках. Видишь, они очень сильные, ничуть не слабее мальчишек. И знаешь почему? Потому что они поступали честно, как подсказывала им совесть.

А почему тебе кажется, что девочки трусливее мальчигов? Напиши.

Целую тебя крепко.

Нина.

ИСТОРИЯ „КАПИТАНА-ПРОИГРЫШ“

...Мама твоя пишет, Ярушка, что ты очень расстроилась из-за утренника в школе. Не огорчайся! А может быть, Алёнка Шипкова и в самом деле пела лучше тебя? Тут для тебя ничего обидного нет... Ты даже вторую песенку не стала петь? А специально её учила? Ну, Ярка, далеко ты так не уйдёшь, поверь мне.

Расскажу-ка я тебе историю про «капитана-проигрыш», и ты поймёшь, стоит ли дуться... Кстати, с надутыми губами петь-то, наверное, неудобно, имей это в виду, Ярка.

«Капитан-проигрыш», про которого я хочу тебе рассказать, живёт в Иванове — есть у нас такой город текстильщиков. В Иванове несколько уличных детских футбольных

команд. Ну, скажем, как у вас на улицах Страшниц или Бубенича. Там ведь тоже, помню, мальчишки всегда играют в футбол...

И вот, когда на городском стадионе стали разыгрываться матчи между уличными командами, самой слабой оказалась команда «Молния». Играла она первый год и, конечно, была слабее своих опытных противников. Дела команды шли совсем неважно. «Молния» проигрывала с того момента, как впервые вышла на футбольное поле. Её обыграли «Спартак», «Стрела», «Родина», «Чайка» и все остальные команды. Зная по себе, как тяжело проигрывать, ребята не раз советовали игрокам «Молнии»:

— Выходите из игры! Не позорьтесь!

Немало команд разваливалось после первого же поражения. А «Молния» приходила и уходила с поля в полном составе. Впереди, как обычно, шагал Юра Сазонов, «капитан-проигрыш», — так его прозвали, за ним — вратарь Лёня Куликов...

Как во всякой слабой команде, больше всего доставалось вратарю. То и дело, вытирая пот со лба, Лёня вынимал мячи из своих ворот.

Вначале ребята из «Молнии», правда, ещё надеялись на победу. После первого проигрыша Юра Сазонов ободрял ребят:

— Ничего. Одну игру проиграли, другие выиграем. Вот увидите.

После второго проигрыша ребята невольно стали прислушиваться к тем, кто отговаривал их команду от участия в соревнованиях. Юра стоял на своём:

— Не надо отступать. Смотрите, третий матч ведь мы сыграли лучше, чем второй.

Это была правда. В третьей игре счёт был не 5:0, а 3:0.

— Неужели мы так и не забьём ни одного гола?

Мальчики стали мечтать о том, чтобы забить хотя бы один-единственный гол. Это произошло во время седьмой игры. Помогла счастливая случайность: вратарь «Чайки» выскочил далеко в поле, и игроки «Молнии» забили гол в пустые ворота. Всё равно они были счастливы. Есть гол!

Все видели: с каждым днём «Молнии» крепнет. На Юру, которого никто иначе и не называл, как «капитан-проигрыш», стали смотреть с уважением, — он не сдавался, не обращал внимания на обиды, насмешки.

И знаешь, что поддерживало Юру? Его уверенность: победу надо завоёвывать. В жизни Юры был такой случай: Юра тренировался почти целый год, чтобы положить на обе лопатки одного драчуна, который был сильнее всех в классе, кичился своей силой. И в конце концов здорово проучил его.

Шестьдесят семь мячей вынула бедная «Молния» из своих ворот. Ты только подумай, шестьдесят семь поражений, то есть шестьдесят семь ударов по команде! Сама «Молния» забила три гола и, конечно, заняла последнее место. Но вот что интересно: когда раздавали призы, судья вызвал две команды — победительницу «Стрелу» и... «Молнию».

Все очень удивились. При чём тут «Молния»? Судья сказал:

— Чемпионами люди не рождаются. Они становятся ими благодаря своему упорству и стойкости. Эти качества проявили команда «Стрела», наш чемпион, и «Молния», занявшая последнее место. Это ничего, что «Молния» не выиграла. Я уверен — она ещё возьмёт своё! Такие стойкие команды всегда побеждают. Поэтому мы вручаем сегодня два кубка: один «Стреле» — победителю и второй «Молнии» — за мужество.

— Ура! — закричали ребята.

Все были рады, что команду «Молния» так оценили.

Что ты думаешь об этом, Ярушка?.. Шестьдесят семь мячей — и ни слёз, ни обиды... А?

Пой свои песенки и не огорчайся, если кто-то поёт лучше тебя. У вас в Доме пионеров, наверное, есть магнитофон, напой для меня, пожалуйста, песенку про хохлоуша. Я её очень люблю и, когда ты поёшь, вспоминаю, как мы с тобой карабкались по горам. Однажды, помнишь, когда мы спустились в долину, сколько там было хохлоушей... Ты не забыла, как они называются по-русски? Чибисами. «У дороги чибис, у дороги чибис...» Да? Ваш хохлоуш — это наш чибис.

Привет тебе, маленький друг. Пиши.

Нина.

**О ПРОПАВШЕЙ ДЕВОЧКЕ,
ПОЧТОВОЙ МАРКЕ И ОБ ОДНОМ СПОРЕ**

Добрый вечер, Ярушка!

Значит, ты решила теперь стать учительницей, а не балериной? Вот как! Почему ты изменила своё решение? Вообще-то оно мне нравится. Хорошая профессия. Только трудная. Правда?

Помнишь, ты как-то показала мне красивую почтовую марку с рисунком, который сделали ребята из шахтёрского посёлка Рудольфово под Будейовицами? Мы с тобой сидели, смотрели на неё, и ты всё допытывалась, как же это так: школа самая обыкновенная, а все ребята в ней хорошо рисуют. Неужели же каждый может стать художником?

Я и сейчас не могу тебе на это точно ответить, Ярушка. Но думаю, что часто мы не знаем своих возможностей и скрытых дарований. Талант может быть запрятан глубоко — его надо открыть, развить.

И помог ребятам в этом учитель.

Хороший учитель, по-моему, твой папа. Он никогда не был учителем в школе, но зато посмотри, как хорошо он учит и тебя и Либушу, учит жить.

Помнишь, как ты однажды «пропала»? Пошла после школы к подружке и заигралась допоздна. А дома все волновались, гадали, что с тобой случилось. Из школы ушла, а домой не пришла. Папа, мама, я и тётя Власта бегали, искали тебя. А потом папа всё-таки нашёл... Было уже темно, шёл дождь, и ты прыгала по лужам, промокшая, перепуганная. Когда ты увидела папу, бросилась к нему. Папа очень обрадовался, найдя свою дочку целой и невредимой, но он даже не остановился. Помнишь, что он тебе сказал: «Нет, девочка, ты ошибаешься, ты не моя дочка. Моя дочка Ярушка всегда приходит вовремя домой, она, наверное, уже давно спит». И ты бежала за ним и плакала.

Видишь, папа не ругал тебя, но, наверное, ты на всю жизнь запомнила, как папа «не узнал» тебя. Это был хороший урок. Ты поняла: тот, кто забывает о других людях, доставляет им огорчения, может и сам пострадать, — люди отвернутся от него, он станет для них чужим.

Не только взрослые, дети тоже учат друг друга.

Ты меня как-то спрашивала, что делать с озорником Тондой. Конечно, если кто-нибудь из пионеров плохо себя ведёт, товарищи должны помочь ему исправиться. Как? В двух словах это не объяснишь. Переучивать нелегко. Тут не составишь расписания — сегодня давайте займёмся силой воли, а завтра разучим смелость.

У каждого человека есть свои недостатки и свои достоинства. Один смелый, весёлый, но нетерпеливый (ты, наверное, знаешь такую девочку — не Ярушкой ли её зовут? — которая часто не убирает игрушки, бросает неоконченными свои вышивки), а другой аккуратный, усидчивый, но эгоист — думает только о самом себе. Я не видела двух людей с одинаковым характером.

Совсем не обязательно вызывать всех провинившихся на совет отряда.

Я расскажу тебе два случая, они произошли в прошлом году в одном пионерском лагере.

...День стоял жаркий. Врач запретил ребятам в такую жару идти в дальний поход, и пионеры пошли в лес, неподалёку от лагеря.

Неожиданно примчался пионер из дежурного отряда. Он запыхался, и речь его выглядела примерно так:

— Вера! Я! Вас! Ищу!

— Что случилось? — спросила вожатая.

— Приехала женщина. Из города. Вас спрашивает.

Надо тебе сказать, лагерь этот стоял в глуши, далеко от железной дороги. Гости навещали его редко.

— Здравствуйте, — сказала вожатая, подходя к женщине с усталым лицом.

— Здесь мой мальчик! — взволнованно сказала незнакомка. — Коля Чепраков. Скажите, что с ним?

— С Колей Чепраковым? — Вожатая недоуменно посмотрела на женщину. — Всё в порядке, он жив-здоров. — Она и сама забеспокоилась. — Пойдёмте, — сказала она, — сейчас ребята позовут Колю.

Они пошли по аллее.

Ребята мгновенно узнали о приезде Колиной мамы. По лесу понеслись крики:

— Коля Чепраков! Коля! Иди! Твоя мама приехала.

— Идёт! — громко возвестили ребята.

Мать кинулась к Коле, стала целовать его.

— Три недели! Три недели! — твердила она. — Почему ты не писал? Ни слова, ни строчки!.. Я чуть не умерла от беспокойства.

Коля густо покраснел.

— У меня марок не было, — ответил он.

— А я-то, я-то чего только не передумала!.. Вот с работы отпросилась... Ну как ты тут, сынок? — спрашивала она, заглядывая в хмурые глаза сына.

— Сколько же она километров прошла? — задумчиво спросил кто-то. — Двенадцать? Пожалуй, все пятнадцать. Наверное, не через лес шла, а по шоссе — верных пятнадцать.

— Вот глупости — «нет марок». У почтальона полно всяких марок. Да что! Почта доставит и доплатное, — сказал другой.

Колина мама пробыла в лагере до самого вечера. Её накормили обедом, уложили отдохнуть. Девочки набрали ей на дорогу корзиночку свежей земляники. У всех было чувство неловкости перед этой усталой женщиной. Так часто бывает: сделает один человек что-нибудь дурное, а другим стыдно за него, словно они сами виноваты. Мальчики из первого отряда вызвались

проводить Колину маму на станцию. А Коля не смог — он наколол ногу.

Когда ребята вернулись, Коля бросился к ним: мама обещала купить ему на станции конфет. Но вместо конфет мальчики подали ему маленький плоский пакетик.

— Что это? — удивился Коля.

— Марки, — спокойно ответил Костя Павлов. — Твоя мама просила нас купить конфет, но мы подумали, марки тебе нужнее. Теперь ты сможешь каждый день писать письма.

— Даже по два письма в день, — добавил Алик Пиров. — Здесь тридцать марок, а нам осталось жить в лагере всего пятнадцать дней.

Наблюдая эту сцену, я закусила губу, чтобы не засмеяться. А Коля с пакетиком растерянно побрёл в спальню.

Видела бы ты, какое у него было лицо...

А вот другой случай.

Вечером девочки мыли ноги возле террасы. Проходя мимо, мы с вожатой невольно подслушали их спор.

— Трусиха ты! Самая настоящая трусиха!

— Неправда, я испугалась, когда там что-то зашуршало...

— Я не испугалась, и никто не испугался, а ты вся белая была, до того перетрусилась.

Наступило молчание. Кто-то закрутил кран, и вода перестала литься. По лестнице зашлёпали тапочки. Кто-то остановился на террасе.

— Пора спать, — сказала вожатая. — А ты, Катя, почему не идёшь спать?

Невидимая в темноте девочка вздохнула.

— Иду, — сказала она и проскользнула в дверь.

Разговор девочек обеспокоил нас: и я и вожатая понимали: спор ещё не окончился. Вряд ли Катя, которую обвинили сейчас в трусости, уснёт спокойно.

Возвращаясь после обхода, мы снова подошли к террасе третьего отряда. Как мы и предполагали, никто ещё не спал. Из раскрытых дверей до нас долетел взволнованный звенящий голосок:

— Хотите, я сейчас, сию минуту, побегу к реке? Встану и побегу. Не побоюсь...

— Спи лучше: там комары летают. Испугаешься... — прозвучал насмешливый ответ.

Кровать скрипнула, и мы ясно услышали, как зашуршало платье: девочка одевалась.

Мы хотели было вмешаться в спор, но тут же остановились. Разве можно спокойно проглотить самую горькую из обид? Какое же право мы имеем останавливать её, Катю, когда она решилась стереть с себя оскорбление? Если она струсилась сегодня, то надо помочь ей проснуться завтра с ощущением выздоровевшего человека, с ощущением победы над собой и своим страхом, с уважением к самой себе. Нет, не следует мешать Кате. Слишком

легко порой укореняются у ребят неверные мнения друг о друге. Как пристанет к человеку кличка, пусть даже несправедливая, так ни за что не отстанет от него. Назовёт кто-нибудь человека трусом или лентяем, так и станут все думать про него. А хуже всего — сам человек будет так же думать о себе.

— Вот я беру с собой носовой платок... Намочу его в речке и принесу, чтоб не говорили, будто я вру, — сказала девочка.

Она промчалась мимо нас. Мы пошли следом. Не хотелось нам оставлять её одну. Ночь была чёрная, а тропинка к реке круто спускалась под гору. Ещё упадёт или испугается...

Тёмная вода поблёскивала у берега. Послышался лёгкий всплеск — наверное, девочка окунула платок в воду...

Возвращалась она не торопясь, успокоенная...

Закончилось ночное происшествие неожиданно. Утром на линейке не оказалось пионерки из третьего отряда Веры Толмачёвой. Она прибежала красная, запыхавшаяся. На вопрос, почему она опоздала, Вера смущённо ответила:

— Тапочку потеряла на берегу...

Вот ещё новость! Бегать одним на речку было строго-на-строго запрещено. Вожатая оставила Веру после линейки, и между ними произошёл странный разговор. Вера, честная, прямая девочка, твердила одно: на реку она бегала не купаться, а искать тапочку.

— Хорошо, но как же тапочка попала туда? — спросила удивлённая и рассерженная вожатая.

Вера посмотрела на неё, вздохнула и сказала:

— Только, пожалуйста, никому не говорите. У нас ночью случилось происшествие... Одну девочку — вам ведь не важна её фамилия? — все считали трусихой. Она обиделась и хотела доказать, что это неправда, и вот ночью, после отбоя, пошла к реке. Одна. Мы боялись, что она там испугается или упадёт. Ночью ведь правда страшно. Тогда мы трое пошли вслед за ней, но так, чтобы она нас не видела и думала, будто она одна.

Я вспомнила неясный шорох в кустарнике.

Вот такая история произошла в одном лагере...

Хорошие, Ярушка, девочки, правда? По-моему, они поступили по-пионерски.

Ой, какое длинное письмо получилось! Смотри не опоздай из-за него в школу.

Будь здорова.

Тётя Нина.

ГАЗЕТНАЯ СТРАНИЦА

Посылаю тебе страницу нашей детской газеты. В ней напечатаны два письма. Я долго думала над ними. Прочти их. Если не сможешь сама, попроси папу или маму, они знают русский.

Вот первое письмо.

«Дорогая редакция!

В первых строках своего письма я расскажу о себе. В раннем возрасте я заболела и восемь лет была прикована к постели. Лечение протекало медленно, но я очень верила в себя,

что найдётся столько мужества, силы, чтобы побороть болезнь. Мечта моя — стать хирургом.

В день рождения я начала ходить. Ходила плохо, но среди друзей, таких же больных, я не унывала и чувствовала себя героем. Была председателем совета отряда.

Когда я должна была уезжать домой, расставание было трогательным: ребята плакали, и притом мальчики. А я рвалась домой и спешила.

Побыв дома, я начала ходить в школу. Ходила плохо, и подружки меня водили в школу. Один раз они бросили меня посреди дороги, а я стояла и плакала, пока за мной пришла мама. Да это мама, оказывается, давала деньги на кино этим девочкам. А я сказала один раз маме: «А что, если тебе делают хорошее, ты тоже платишь деньгами?» Она сказала — нет. Я больше не стала её спрашивать, я поняла, что этот вопрос расстроил её.

До свидания.

Лида Кашина».

Жалко девочку, да, Ярка? Я понимаю её маму. Так тяжело видеть страдания дочки! Вот мама Лиды и подумала: если заплатить подружкам Лиды, они будут заботиться о ней.

Конечно, она хотела, чтоб было хорошо. Но, по-моему, сделала ошибку. Она — как бы это тебе получше объяснить? — поверила в силу денег больше, чем в доброту людей.

Лидина мама хотела купить друзей для своей дочки и всем не подумала, что так бывало лишь в прошлом. Это при капитализме продавались и покупались не только вещи в магазинах, а и чувства людей, их красота, их ум. Дурак, подлец, а раз богат — значит, имеет власть над другими.

Времена меняются. Помнишь, мы с тобой однажды слушали в Праге радиопередачу «Забутые слова»? У ребят спросили, что означают слова: фабрикант, миллионер, нищий. Лет десять — пятнадцать назад смысл этих слов был известен каждому, а теперь ребята их совсем не понимают. Смешно было слушать ответы. Один мальчик сказал, что миллионер — это лётчик, налетавший миллион километров. Другой спутал слово «миллионер» с «милиционером»; он не знал, что миллионер — это богач, владеющий миллионами крон.

Кто такой фабрикант? Все, как один, ответили: тот, кто работает на фабрике. А на самом деле фабрикант владеет фабрикой или заводом, заставляет других работать на себя. Понятно, почему ребята ошиблись: ни в Чехословакии, ни в нашей стране нет капиталистов, у нас фабрики принадлежат народу.

Я уж не говорю про путаницу со словом «нищий». На улицах Праги не встретишь бедняков с протянутой рукой. Поэтому ребята пытались отгадать слово по его корню. «Нищий» по-чешски «жебрак», а «жебраadlo» — «школьная сумка»; это-то слово ребята хорошо знают. И у них вышло, что нищий... нечто вроде школьной сумки.

Бывает так, что, отстав от своего времени, человек окажется несовременным и таким же непонятым для окружающих, как позабытые слова...

Я имею в виду не только маму Лиды. Помнишь старушку, которая жила в вашем дворе? Она жила бедно, отказывала себе во всём, и твоя мама кормила её, когда она заболела. А после смерти у этой старушки нашли кучу денег. Она так и не поняла, что живёт уже не при капитализме, что теперь народная власть обеспечивает старость каждого человека.

Конечно, меня глубоко возмущают девочки, которые брали за дружбу с Лидой деньги. Какой стыд — наживаться на горе товарища!

На нашей улице, я знаю, живёт один бывший фронтовик. Он одинок. Ребята из соседней школы покупают ему хлеб, молоко, берут в столовой для него обеды. Убирают комнату. Неужто же такие ребята отказались бы помочь Лиде, своему товарищу?

Не верю.

Ты подумай, ведь они сделали её ещё более несчастной, чем она была. Раньше она страдала только от своей болезни, а теперь не верит в доброту людей, чувствуя себя униженной, лишней. Да ведь это прямое пионерское дело — помогать друг другу. Мы как раз гордимся тем, что в нашем обществе между людьми дружеские отношения, как в большой хорошей семье все заботятся друг о друге. Разве твои папа и мама или тётя Власта стали бы брать деньги за то, что посадили сад во

дворе? Разве ты, помогая делать уроки девочкам, просишь у них за это конфетку?

Я тебе ещё не писала, что недавно была на Камчатке, это далёкий полуостров в Тихом океане. Там живут рыбаки. Они на долгие месяцы уходят в плавание на лов рыбы. В одном посёлке я встретила женщину, которая во время этих долгих отлучек заботится о детях рыбаков. Она создала детскую комнату в посёлке и, конечно, не берёт никаких денег.

А второе письмо в газете знаешь о чём?

«Дорогая редакция!

Сегодня у нас в классе на уроке мой сосед Леонид резал учебник бритвой. После урока я объяснил ему, что книгу нельзя резать. Леонид только смеялся и называл меня дураком. Его поддержал ещё один. Он говорит: «За книгу заплатил Леонид, и он может делать с ней что захочет». Я стал доказывать, что нельзя издеваться над книгой, что над ней работали сотни людей, что книга обходится государству дороже, чем мы её покупаем. Эти два ученика сказали мне, что я осёл, и ушли домой, весело хохоча.

Жора Котельников».

Знаешь, Ярушка, хоть и нехорошо обзывать друг друга, но мне хочется назвать ослом вовсе не Жору...

Выходит, не только взрослые до сих пор придерживаются некоторых старых обычаев. Лёня, по-моему, тоже мальчик из прошлого, он не умеет ценить труд людей.

Ты, конечно, согласна с тем мальчиком, который защищал книгу, да? Я уверена в этом. Помню, как перед началом учебного года вы собирали старую бумагу, чтобы отдать её в обмен на новенькие учебники и тетради, которые дало каждому школьнику государство. Вот хороший обычай. За добро надо платить своей стране добром. Так ведь?

Нина.

„ПОНИМАЮЩИЕ ГЛАЗА“

Здравствуй, Яруш!

Нет, нет, Ярушка! Смелость — не самое главное. Ты меня не так поняла. Конечно, смелость делает человека сильнее. Это правда. Смелый идёт туда, куда трусливый и носа не сунет, он спокоен тогда, когда у другого кружится голова, коленки дрожат от страха.

Однако мы с тобой знаем людей, которых при всём их бесстрашии никто не назовёт героями. Разве что в шутку. Иных смельчаков ругают. Ну вспомни того мальчишку, кажется, его зовут Тонда, из-за которого вы с Либушей чуть не плакали? .. Я говорю «чуть», потому что слёз не было. Знаю, ты стараешься никогда не плакать...

Этому мальчишке никто не откажет в смелости. Помнишь, как он полез на столб, чтоб удивить всех? Эта затея могла ему дорого обойтись. А как он катается на санках! Дух захватывает! Летит с самой крутизны, стараясь сбить тех, кто впереди. Ему и самому тут достаётся. Помню, как он показился под обрыв. Санки, руки, ноги — всё неслось в крутящемся вихре. Мы бросились на помощь, а он, запорошённый снегом, в разорванных штанах, с синяком под глазом, едва поднялся и эдаким гордецом прошёл мимо нас.

Смелости его хватает лишь на безрассудство, и близким от него пока что одно горе. Как-то у меня был разговор с его матерью, и я поняла: тяжело ей с ним.

Значит, смелость может идти и на пользу, и во вред людям.

Смелый поступок, подвиг начинается с понимающих глаз. Это не мои слова. Их сказала Надежда Константиновна Крупская. Она хорошо знала ребят, любила их и всегда заботилась о них. Это она предложила создать пионерскую организацию, она придумала пионерам девиз «Будь готов!». Так Ленин призывал к действию большевиков накануне революции.

Люблю наш пионерский салют! Идёт, бывало, по улице какой-то мальчишка или девчонка, которых до того я и в глаза не видала. Мы отдаём салют, и всем сразу ясно — мы свои. И всегда будем вместе, заодно.

Надежде Константиновне хотелось, чтобы ребята выросли настоящими ленинцами. И она сказала, что надо учиться «понимающими глазами вглядываться в жизнь».

Очень хорошо сказано: «понимающими глазами»! Если б «смелый» Тонда умел понимать жизнь, его смелость нашла бы другой выход. Он не стал бы совершать свои «подвиги», не стал бы крушить и портить всё на своём пути.

А разве только Тонда так бессмысленно растрчивает себя?

С понимающих глаз — то есть с умения разобраться и понять, что ты должен сделать в жизни, и начинается, Ярушка, настоящий человек.

Ты, наверное, видела не раз: упадёт ребёнок, ушибётся

о стол или стул и давай их бить, будто они в чём-то виноваты. С малыша что взять! Он ещё ничего не понимает.

Бывает, и ребята постарше не умеют понять жизнь.

Как-то наша детская газета напечатала ответы на вопрос: «Что бы ты сделал, если бы стал невидимкой?»

Представляешь, сколько может натворить невидимка? Пробраться незамеченным куда хочешь, видеть, слышать, действовать там, где никто даже не подозревает о его присутствии...

Ответы, один лучше другого, придумали наши ребята. Их невидимка стремился как можно больше успеть сделать хорошего для всех.

А ты бы видела, что на тот же вопрос ответили некоторые американские ребята! «Забрался бы в банк», «Угнал бы автомобиль», «Взяла бы себе все платья из магазина»...

В этих мечтах отразился тот мир, в котором живут они. Там важнее всего нажива, обогащение.

По-разному воспользовались наши и американские ребята своим волшебным превращением. Если бы американские ребята задумались над тем, как много может человек сделать, они ужаснулись бы, увидев, как мало они хотят.

Человеческая жизнь — большое чудо. Обидно растратить её на мелкие побуждения, эгоистические желания.

У ребят с понимающими глазами мечты богаче, они хотят добыть счастье не только для себя, а для всех.

Хочешь, расскажу тебе о девочках, которых я глубоко уважаю.

Семь девочек учились в Турочакской школе, на Алтае. Там горы ещё выше ваших Татр. Я была на Алтае. Мы ехали по шоссе, над нами высились скалы, а внизу, в глубоких ущельях, пенились бурные реки.

У каждой девочки был свой план. Одна хотела стать актрисой, другая готовилась в инженеры. А Галя Епачинцева собиралась быть детским врачом.

В ту весну, когда они сдавали выпускные экзамены, в нашей стране началось освоение целины.

Целина... Как бы тебе лучше объяснить, что это такое. Ну, бывают дремучие леса, где никогда не ступала нога чело-

века. Бывают горы, на которые никто не взбирался. А целина — это необжитая степь, где на сотни километров не встретишь ни человека, ни жилья, ни дороги.

У нас очень большая страна, и в ней есть ещё не тронутые человеком огромные степные просторы.

Решено было степи превратить в поля.

И вот класс, где учились эти девочки, охватила мечта: поехать туда, в степь. Взрослые отговаривали ребят, рассказывали, как им будет трудно. Ребятам же хотелось испытать себя, свои силы. Нет домов — будем жить в палатках; нет колодцев, воды — значит, пойдём найдём воду; плохо с продуктами — стерпим.

Класс сдавал экзамены. У всех были обычные школьные волнения: что спросят, какой билет вытянешь, что забыл, что надо повторить. Но по вечерам в интернате ребята, собравшись вместе, мечтали о том, как поедут на целину.

Сдали экзамены и поехали. Не думай, что это просто — уехать далеко от своего дома и от родных. Отказаться от всех своих планов. Решиться на жизнь в пустынных местах с суровым климатом.

Нет, это совсем не просто. Представь себя на месте этих ребят.

Многие думали: мальчикам можно ехать — они посильнее, а девочки зря едут. Не выдержат они. Но девочки не изменили своего решения.

Как говорили, так и оказалось. На новом месте ни домов, ни улиц, ни магазинов, ни кино. Куда ни кинь взгляд — голая степь.

Поселились ребята все вместе, в одной палатке: девочки поставили свои кровати справа, мальчики — слева.

Белоручками эти ребята никогда не были. Бывало, чтобы собрать деньги на школьный праздник, они в каникулы работали всем классом в лесничестве. Но то была работа на несколько дней, а здесь?.. Ребята уставали поначалу так, что спину не могли к вечеру разогнуть.

— Давайте никогда не жаловаться, — предложила как-то Галя. — А то глядите: одна пожалуется, другая — и всем станет тошно.

Степь никого не баловала. Нередко приходилось стоять в очереди за водой. Её привозили на тракторе в цистернах издалека. В непогоду из-за бездорожья не могли подвезти хлеб.

Поглядевшись в зеркало, девочки не узнавали себя: лица их стали чёрными от солнца, кожа огрубела. И самое обидное — много у них было на первых порах неудач. Всегда хочется, чтобы тому, кто взялся за хорошее дело, повезло, чтобы всё удавалось. Да не выходит так. Хорошее — оно и трудное.

И вот, можешь себе представить, первым, кто пошатнулся и решил уехать домой, был Юра Марков, тот самый Юра, который подбил всех ехать на целину. У него случилась большая беда.

Он, когда ещё только приехал, всё рвался водить комбайн. Но комбайнеров хватало, и Юру держали наравне со всеми ребятами пока что на «чёрной» работе. Потом прислали три новых комбайна, и Юра стал комбайнером.

Работал парень что было сил. Работал от темна дотемна.

А всё не ладилось: то оставил на большом участке высокую стерню, то комбайн вывел из строя. Юра был самолюбив. Привык всегда быть первым, лучшим, а тут неудача за неудачей. В сентябре Юра решил поступить в лётную школу. Быть лётчиком — славное дело. Он даже сам себе не признавался, что у него-то это было бегство, предлог, чтобы уйти от неудач.

Бывают минуты слабости и у сильных. Товарищи не узнавали Юру. Какой он всегда был в школе смелый, а тут совсем потерял веру в себя...

— Ты сюда приехал не один, не сам по себе, — сказали ему комсомольцы, — и уехать мы тебе не позволим.

Юра долго стоял на своём. Обиделся, ни с кем не разговаривал. А всё же пересилил себя, остался.

Ребята во всём помогали друг другу. Не управились девочки с прорывкой свёклы — пришёл Витя Бабич, помог. Износились у Бориса сапоги — купили. Вместе со своим бельём девочки стирали и бельё мальчиков.

В конце августа приехал в совхоз навестить своих питомцев директор Турочакской школы. Он поразился, увидев своих ребят взрослыми, возмужавшими.

Два дня пробыл директор в совхозе. Он побывал на самых дальних участках, увидел работу каждого. По своему обыкновению, Александр Августович был сдержан на похвалы, но ребята заметили на его лице усмешку, которая в былые годы считалась предвестником хорошей отметки.

— Молодцы! — коротко сказал он.

Приезжали в совхоз матери. Ехали они с тревогой; рассказывали, как замирало у них сердце, когда зимой по радио передавали сводку погоды. Подумать только: сорок градусов мороза! Ох, замёрзнут наши дети! Но «дети» оказались здоровыми, крепкими, ни на что не жаловались.

Два года работали турочакские ребята на целине.

Когда комсомол за освоение целины был награждён орденом Ленина и были награждены целинники, я с радостью прочла среди них фамилии турочакских ребят.

Так-то, девочка. Жить с понимающими глазами — значит не растрчивать себя понапрасну, но не жалеть сил для большой, благородной цели.

До свидания, Ярка! Жаль, что мы можем теперь разговаривать с тобой только в письмах.

Нина.

„АДМИРАЛ“ УВОДИТ КЛАСС

Доброе утро!

Попробуем сейчас разобраться с Гонзиком. Значит, он не хочет тебя слушаться? И вообще никому в отряде не подчиняется? Ну и Гонзик! Неужели он один сильнее целого отряда? Не верю. Всё дело, наверное, в том, что ребята ему поддаются. Уступать ему никак нельзя, он может над всем отрядом взять верх.

Знаю такие случаи.

Вот слушай, до чего дошло в одном классе.

Было это в начале сентября, в первые школьные дни. По-

года стояла тёплая, и ребята во время перемен играли во дворе. Чтобы собрать их на урок, нянечка выходила со звонком на крыльцо. Однажды, когда разгорячённые беготнёй, они расселись по местам, Борис Попов, второгодник, новенький в классе, сказал:

— Эх вы, дурачье! Охота вам тут сидеть! Смотрите, какая погода!.. Давайте удерём в лес...

Кое-кто стал возражать: нехорошо, мол, убегать с уроков, сейчас придёт учитель.

Борис только усмехнулся.

— Слушай мою команду! — крикнул он, сложив руки ру-пором. — Я адмирал!! Приказываю всем следовать за мной! А кто не пойдёт, — он вытащил из-под парты толстую палку, — тому вот... палкой!

Все засмеялись. Никто, конечно, палки не испугался, но всем стало весело. Недолго думая ребята поднялись и пошли за Борисом.

Можешь себе представить, пошёл и Стасик Орлов, председатель совета отряда! Ему и в голову не пришло отговаривать, он чуть ли не первый выскочил из класса.

Только один мальчик остался — Витя Ивонин. Правда, он поплёлся за ребятами, а потом незаметно отстал и трусливо спрятался за углом.

Через несколько минут учитель географии Семён Фёдорович вошёл в класс. На доске висела географическая карта, на партах лежали карандаши и ручки, розовели промокашки в раскрытых тетрадях... Видно, ученики только что были здесь и готовились к уроку.

Учитель усомнился: да в этом ли классе у него урок? Может, переменилось расписание?

Встревоженный, он вышел из класса и в коридоре встретил Витю Ивонина. От него-то Семён Фёдорович всё узнал.

...В лесу сначала всё шло хорошо. Ребята решили штурмовать высокий забор какой-то пустой дачи. Понаделали ружей из палок, обвязали стволы двух спиленных берёзок ремнями и поволокли их за собой на штурм, как пушки.

Но постепенно интерес к игре пропал — слишком уж командовал Борис. Он назначил себе двух адъютантов, и они

должны были всюду следовать за «адмиралом». Ходи и ходи — вот и вся игра. У мальчика, который сделал себе хорошее ружьё, Борис ружьё отобрал.

— А что Семён Фёдорович подумал? — произнёс кто-то.

На мгновение ребята словно увидели, что происходило там, в классе, в их отсутствие, и впервые с неприязнью подумали об «адмирале». Как-то они теперь вернутся в школу?

Один из «артиллеристов» вдруг бросил «пушку», которую он волочил по земле, покрытой золотистыми листьями, и решительно направился к школе. За ним потянулись остальные.

Ребята не подозревали, что привычный вид класса — парты, чёрная доска с кусочком мела, — может так сильно взволновать их. Словно домой вернулись! Сразу заметили: кто-то уже снял географическую карту.

И вот, когда они рассаживались по своим партам, не торопясь вошёл в класс Борис.

— Ну что, покаяться? — насмешливо спросил он.

Странное дело, этот вопрос сразу изменил настроение ребят. Горечь раскаяния, радость возвращения — всё, что за минуту до этого так сильно волновало их, — показались им ненужным, смешным. Они боялись, а вдруг Борис станет их дразнить, — сам-то он и не думает каяться!

«Адмирал» прошёл в конец класса, сунул палку под парту и потянулся.

— Эх, хорошо погуляли!

И снова никто не возразил ему.

С тех пор Борис стал забирать власть в отряде. Ребята не любили его. Но когда «адмирал» вдруг ни с того ни с сего так толкал кого-нибудь, что у того слёзы выступали от боли, никто не решался сказать ему, что гадко, низко так пользоваться своей силой...

— Подбери бумажку! — приказывал он кому-нибудь из ребят.

И тот поднимал бумажку, лежащую у ног Бориса.

Борис подавлял ребят своей грубостью и нахальством.

Семён Фёдорович больше не приходил в шестой класс «А». Он не хотел с ним заниматься.

«Адмирала» это нисколько не волновало. Как-то он даже посмеялся:

— Дался вам этот учитель! Не всё ли равно, кто будет географию преподавать?

— Замолчи ты! — крикнул Стасик Орлов. — Послушались тебя...

— Ну и что — плохо было? — вызывающе осведомился Борис.

— Плохо? Эх ты, дурак!.. Ничего-то ты не понимаешь...

— Кто-о дурак?

Борис двинулся на Стасика. Стасик на этот раз не сробел.

По росту и по силе Стасик уступал Борису, но об этом сейчас он не подумал. Стасик больше всех чувствовал свою вину. Он, как многие мальчики, всю жизнь мечтал стать героем. Когда читал о подвигах, воображал себя на месте героя. В мыслях бывал и лётчиком, и моряком, и солдатом. И никогда-никогда ни перед кем не отступал! А вот когда в действительности потребовалось проявить характер — не сумел.

— А ну, ты... повтори, что сказал! — подступал к Стасику Борис.

— Повторить? Повторю! — с вызовом сказал Стасик. — Из-за тебя мы урок сорвали. Нашли себе адмирала — лодыря, второгодника!.. Класс опозорили!

— Ах вот как!

Борис схватил Стасика за плечо. Но за Стасика вступился чуть ли не весь отряд:

— Только посмей!

Такого отпора «адмирал» не ожидал. Он отругивался, но на самом деле не знал, как быть. Не драться же со всеми.

В этот же день ребята пошли к Семёну Фёдоровичу.

— А что ваш адмирал, — спросил он, — по-прежнему командует?

— Он уже не адмирал, — ответил кто-то из ребят.

— Понижен в должности? Так, так... Да-с, теперь с двойками даже в юнги не берут.

Так был разжалован «адмирал».

Видишь, Ярушка, как озорники и лентяи, если их вовремя не осадить, могут сбить с толку весь отряд. Хорошие ребята

иной раз пасуют перед натиском «адмиралов», хотя в душе прекрасно понимают, что не надо идти за ними.

Дурному надо сопротивляться открыто и смело. Хорошее всегда должно быть сильнее дурного.

И вам, Ярушка, наверное, пора осадить Гонзика, который не хочет никого признавать.

Это дело всех пионеров. И твоё в первую очередь. Ведь ты звеньевая.

Ты пойми: в технических кружках учат делать модели, в хоровом кружке — читать ноты, правильно петь. А в пионерской организации учат самому важному человеческому умению: жить с пользой для людей, для общества. Пионерская организация развивает коммунистические черты характера, воспитывает человека общественного.

Разжалуйте своего «адмирала». Это очень важно и для вас и для него.

Целую тебя.

Нина.

ТРИ ГОНЗИКА

Привет тебе, мой хороший дружок!

Продолжим про Гонзика. Конечно, сразу с Гонзиком не справиться, я понимаю. Тут нужны настойчивость и терпение. Ты ведь будущая учительница, тебе со многими сорванцами придётся воевать. Это война трудная, длительная. Она приносит немало обид, разочарований. Но зато сколько получаешь радости от каждой даже небольшой победы! Видишь, как хорошо, что ты зашла за Гонзиком и потащила его сажать деревья. И то, что Гонзик с вами сажал деревья — и ведь усердно работал, — это очень хорошо.

«Я так хочу!», «Я так не хочу!» Эти слова Гонзика ставят тебя в тупик. Как будто он и прав: каждый может поступать, как ему хочется. Ты по своему желанию выбираешь книжки, игры. Любишь танцевать, записалась в балетную группу... Каждый из нас делает то, что ему интересно.

Беда Гонзика в другом: его совсем не интересует, чего хочется другим. Он не хочет ни с кем считаться. Он эгоист. Ради своих пустяковых желаний он способен помешать большому, важному.

Мне вспоминается история, которая произошла в одном пионерском лагере. Там был не один, а три Гонзика...

Пошёл отряд в поход. Жара стояла отчаянная, и мальчикам захотелось купаться. Но вожатая Вера терпеть не могла отступать от намеченной цели. Впереди было важное дело: надо было непременно заставить в колхозе одного человека. Опоздают — и он уйдёт. Поэтому Вера и сказала, что купаться будут на обратном пути.

Но бывают на свете такие люди: захотелось им — тотчас вынь да положь!

Трое мальчиков — они похожи на Гонзика — решили всё-таки выкупаться немедленно. В лесу скрыться легко: свернул с тропки, спрятался за ёлочкой — и всё. Ребята отстали от товарищей и побежали к речке.

Бегут и смеются:

— Вот чудaki! Жара такая. Хорошо, что мы удрали.

Прибежали к речке, разделись и прыгнули в воду. Покупались, поплавали всласть — вылезли на берег. Погрелись на солнышке — снова в воду. Докупались до гусиной кожи.

Судя по солнцу, уже было около двух часов, пора идти на обед. Вылезли из воды, оделись и пошли в лагерь.

А товарищи не пошли дальше, стали пропавших искать. Да и как могло быть иначе? В пути все друг за друга отвечают. Такое правило и у туристов, и у альпинистов, и у геологов, и у солдат, и у всех советских людей.

... Был такой случай на войне. Потерялся в разведке солдат. Дело было в тылу у фашистов, разведчики шли не строем, а рассыпавшись по лесу. И одного из товарищей потеряли из виду.

Близилося утро, начинало светать. Надо бы нашим солдатам уходить скорей на свою сторону: у врага уже началось движение — того и гляди, обнаружат. А как уйти, бросить товарища? Как потом смотреть в глаза однополчанам? Как на свете жить, зная, что не выручил своего?

Солдата стали искать. Весь лес обшарили. И всё молча, ползком, вдруг вот он, рядом... И нашли. Раненого. Идти он не мог. Тогда командир взвода взвалил его на спину. Фашисты заметили разведчиков, открыли стрельбу. Отстреливаясь, разведчики едва добрались до своих...

В лесу пионеров, конечно, не подстерегала опасность. Но ведь и мальчики не бывалые солдаты. Мало ли что может с ними приключиться!

— Самое последнее дело — потерять товарища. Пока мы ребят не найдём, дальше не пойдём, — сказала Вера.

Ищут пропавших, беспокоятся, зовут.

Одного пионера послали в лагерь. Через некоторое время связной вернулся и сообщил:

— Вера, они уже в лагере. Я их сам видел...

Когда отряд пришёл в лагерь, беглецы начали было рассказывать, как они заблудились в лесу. Но им не поверили.

Тут и зашёл разговор о том, что же такой поступок значит. Велика ли беда, если трое пионеров бросили отряд и побежали купаться?

— Неужели, — сказал Сева, — мы кому-нибудь сделали дурное? За что вы нас так ругаете?

А Вера отвечает:

— Нет, мы вас не ругаем. Мы, если хотите, даже и вспоминать не будем, как четыре часа вас в лесу искали и беспокоились. Только ответьте вы мне, пожалуйста: бывает ли так, чтобы солнце пекло одних сильнее, чем других?

— Не бывает, — удивлённо отвечает Сева.

— Я тоже так считаю, — говорит ему Вера. — Но как же так вышло: солнце пекло всех одинаково, а купаться побежали трое?

Сева пожал плечами, и другие не сразу поняли, к чему клонится разговор. А Вера продолжала:

— Когда люди идут вместе и все беды и горести, всё труд-

ное, что встретится, делят поровну, — это настоящие товарищи. А если при первой трудности бежит человек прочь — значит, не думает он о тех, с кем вместе идёт в строю... И нельзя такого брать в серьёзный поход, нельзя на него положиться.

Все согласились с Верой.

Если бы я могла прийти на ваш сбор, я обязательно рассказала бы про этот случай. Ты прочти ребятам моё письмо. Всё-таки мы с ними старые знакомые, я не раз бывала у вас в классе. Только устраивать сбор о Гонзике, наверное, не надо. Проведите лучше сбор «Я так хочу», поговорите о чувстве товарищества, об эгоизме, о силе воли. Ладно, не будем больше говорить об этом. Приятнее вспоминать хороших ребят. О них я расскажу тебе, только уж в другой раз.

Н и н а.

СЕМЬ ДОЖДЛИВЫХ ДНЕЙ

Побывала я, Ярушка, в одном пионерском лагере.

Рассказывать о нём нечего. Живут ребята, отдыхают, как на курорте. Всё для них готово, всё за них делают взрослые. На обратном пути встретилась мне туристская группа. Пятнадцать девчат с вожатой разбили палатки в лесу. Я осталась у них ночевать. За это я люблю нашу журналистскую жизнь — куда только не попадёшь!.. И тут ребята рассказали мне о том, что им совсем недавно пришлось пережить.

Семь дней подряд лил дождь. Представляешь себе? Каждое утро, проснувшись, девочки слышали монотонный шелест

дождя. Брезентовые палатки намокли. Прикоснёшься к полотнищу, и холодная вода тотчас прольётся внутрь палатки. Огонь развести нельзя: отсырел хворост. В довершение ко всем бедам из города не пришла машина с продуктами. Видно, размыло дорогу. И маленький лагерь, в котором жило пятнадцать девочек, помрачнел.

Не было больше обычной возни на кухне — мокрая печка стояла заброшенная и потухшая, не было весёлых и шумных сборов к обеду — по столу, по скамейкам барабанил дождь. Девочки сидели или лежали в палатках, и только дежурные, накрывшись плащами, торопливо разносили «сухой паёк» — хлеб, несколько кусков сахара, масло, порцию холодных консервов.

И всё как будто изменилось вокруг: и милые светлые берёзки, и красные флажки вокруг лагеря, и палатки, и речка под горой — всё казалось серым и хмурым.

Дождь не унялся к вечеру, не стих он и к утру следующего дня. Девочки то и дело выглядывали из палаток: не виден ли просвет? Нет, дождь льёт с новой силой. Многим не хотелось даже вставать, умываться.

В этих унылых девочках трудно было признать тех бывалых путешественниц, которые сами разбили лагерь, сами натянули палатки, сложили печку, вкопали в землю большой стол и длинные скамейки, сами накосили и насушили травы, набили ею наволочки, тюфяки. В самых трудных походах они держались молодцом. Не испугались, когда, заблудившись, шли всю ночь по незнакомому лесу через овраги, ручьи. Никогда они не унывали, не падали духом. А вот сейчас из-за дождя совсем расклеились...

Юля Дубравина была вожатой уже четвёртый год и не раз выезжала в лагерь. Она понимала: в бездействии слабеет и самый энергичный человек.

Кто же из девочек поможет ей стряхнуть это дождливое настроение? Она вспомнила случай с Люсей.

Обычно Юля просыпалась рано утром, по звонку будильника, и шла поднимать дежурных. Но в тот день, когда дежурила Люся Ковалёва, будильник не звонил. Девочка решила, что встанет сама: стыдно, чтоб дежурных будила вожатая.

И Люся поднялась раньше и тихонько выключила звонок. Пусть вожатая поспит! В этом поступке была вся Люся — девочка заботливая, добрая.

Подумала вожатая и про Тамару Слуцкую. Тоже подходящий человек. И тут как раз увидела Тамару, выглядывавшую из палатки.

— Обидно получается, Тамара. Только ты научилась плавать и бросила, — сказала вожатая.

— Ужасно жалко, Юля, — горячо откликнулась девочка, — и всё этот дождь проклятый!

— А разве дождь мешает? — удивилась Юля. — Сейчас очень хорошо купаться. Вода тёплая, как парное молоко. Хочешь, пойдём?

Тамара схватила полотенце и вышла вслед за ней из палатки.

— А ещё кто пойдёт с нами? — обернулась вожатая.

— Охота была в речке мокнуть, — буркнул кто-то.

Из палаток выглядывали девочки, провожая взглядом ку-пальщиц.

В это время Люся Ковалёва — дежурная, возилась у печурки. Она поправила над печкой навес и решила сварить макароны. Отсыревший хворост едва тлел, но Люся терпеливо поддерживала крошечный огонёк, подкладывая всё новые и новые веточки.

И вот вода закипела.

— Копчёные макароны, последнее слово кулинарии, — пошутил кто-то.

Вскоре по палаткам разносили горячий завтрак.

В полдень Люся и ещё две девочки пошли в деревню за молоком. Деревня была не близко, в нескольких километрах от лагеря. Ноги скользили по размокшей дороге. Люся подбадривала своих спутниц:

— Посмотрите, сколько мы уже прошли. Осталось совсем пустяки!

Вернулись они с двумя вёдрами молока — существенным дополнением к скромному меню. С этого дня дежурные, не обращая внимания на непогоду, ходили за продуктами в деревню и в магазин на станцию.

...Дождь не утихал. И всё же в лагере уже не было уныния. Колхозники пригласили туристов жить в деревне, но те отказались. Им не хотелось покидать свой лагерь. Утро, по примеру Тамары, все начинали с купания. По очереди, партиями в шесть человек — в лагере было шесть плащей, — уходили на речку и возвращались бодрые, радостные — всегда на речке происходило что-нибудь смешное.

Дежурные готовили горячий завтрак. Окопали палатки, укрепили навес над кухней, сделали сток для воды. Полным ходом шёл шахматно-шашечный турнир. А по вечерам все собирались под навесом у печки. Кругом стояла тьма, шумел лес, с боков захлёстывал дождик. Сидели, сгрудившись, тесно прижавшись друг к другу, и рассказывали разные истории, вспоминали, кто что видел, где бывал. Иногда Юля играла на баяне, и песня заглушала шум дождя в тёмном лесу.

Вскоре у девочек появился даже патефон. Принёс его один колхозник, совсем незнакомый человек: «Чтоб не скучно было!»

И подумай: из целого месяца туристской жизни память девочек лучше всего сохранила именно эти семь трудных дней. Когда бодрость и жизнерадостность побеждали невзгоды.

Многое зависит от того, как относиться к трудностям и неприятностям. Терпеть не могу нытиков! То ли дело те, кто своей бодростью поднимают у всех настроение. Вот это молодцы! С ними и более серьёзные невзгоды, чем дождь, не страшны.

Часто по привычке, оставшейся с войны, подружившись с кем-либо, я задаю себе вопрос: а пошла бы я с этим человеком в разведку, в бой? И, если могу ответить «да», значит, есть у меня крепкий, надёжный друг.

У нас с тобой тоже были передряги. Помнишь, мы заблудились в Татрах. И долго искали дорогу. Ты сильно устала. И всё-таки старалась петь, успокаивала меня.

Мне это запомнилось — я поняла, с тобой можно крепко дружить.

Твоя Нина.

ЧЕТВЕРТЫЙ В КОМАНДЕ

Вечер добрый, Ярушка!

Я обещала рассказать тебе о хороших людях. Слушай.

Как-то приехала я в небольшой городок. Зашла в спортивную школу. Там никогда не бывает каникул. Двери в ней открыты круглый год. Летом ребята ездят на велосипеде, зимой катаются на коньках или на лыжах, а осенью занимаются в зале гимнастикой.

Команда велосипедистов, победив всех спортсменов в городе и области, вышла на республиканские соревнования. Это была большая радость.

Долго готовились велосипедисты к соревнованиям. И вдруг за несколько дней до состязания один из команды повредил ногу. Пришлось искать замену. После долгих обсуждений назначили Лёню Пирожкова. Это был весёлый мальчик, которого все ласково звали «Пирожок». На велосипеде он ездил быстро, но хороший результат показывал только на корот-

ких дистанциях. Поэтому предстоящая гонка его ничуть не обрадовала.

— Не покажу я хорошего времени, только подведу всех,— растерянно говорил он.

Ему страшно было подумать, что он, хоть и невольно, станет виновником поражения своей команды.

Тренер объяснил: в этом соревновании зачёт принимается по третьему участнику команды, то есть когда финишную черту пересечёт третий гонщик. Трое сильных были налицо, и Лёня, четвёртый, мог не волноваться. Не беда, если он и отстанет.

— Ну, Пирожок, всё в порядке! — говорили ребята.

Лёня тренировался в эти дни с отчаянной решимостью и, наверное, совсем не слезал бы с велосипеда, если бы тренер не запретил ему так много тренироваться. Но Лёня не мог примириться со своей ролью в команде. И как-то сказал тренеру:

— Борис Георгиевич, лучше замените меня, не могу я.

— Чего не можешь? — удивился Борис Георгиевич. — Дойти до финиша?

— Ну поймите меня! Я не знаю, как это сказать... Поймите, я просто балласт в команде, лишний...

Борис Георгиевич задумался.

— Понимаю тебя, Лёня, — сказал он. — В самом деле обидно. Но я знаю, чем ты можешь помочь команде.

Мальчик встрепенулся.

— Заменять я тебя, конечно, не буду, — твёрдо сказал тренер. — Ты пройдёшь дистанцию. Знаешь, как трудно идти первому, преодолевать сопротивление воздуха? Так вот: завтра ты поведёшь гонку! Сэкономишь силы команде. Круг, два, сколько сумеешь продержаться, иди первым. Потом отстаешь...

— Понимаю, — быстро ответил Лёня.

И уныние его словно рукой сняло. Он снова шутил и смеялся, словом, стал прежним Пирожком.

Утром на переполненном велодроме многие удивлялись стремительности, с какой Лёня взял старт.

— Здорово! — восхищались одни.

— Вряд ли он долго так протянет, — с сомнением качали головой другие. — Сразу видно, неопытный... Жмёт вовсю. До конца силёнок-то не хватит!

Пирожок, пройдя первым два круга, стал отставать. Велосипедисты обгоняли его. Лёня отстал так сильно, что казалось, он идёт по кругу совсем один. Он едва вышел на последний круг, когда финишировала его команда. Судья взмахнул флажком. С трибуны к победителям бросились болельщики.

«Наверное, рекорд», — подумал Лёня.

Он был ещё далеко от финиша. Многие смеялись над ним. Но сердце мальчика радостно билось: он помог команде выиграть.

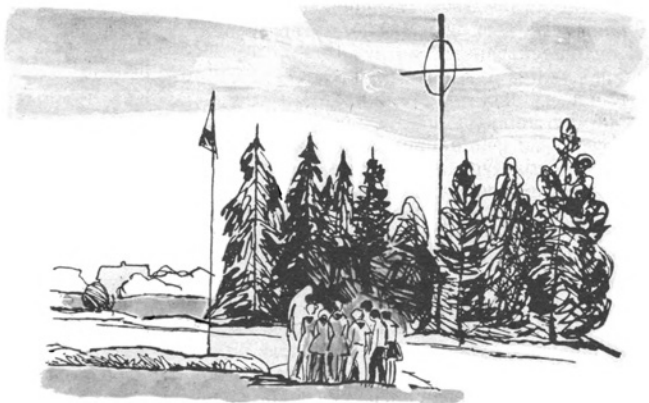
Когда Лёня подъехал к финишу, плотная толпа окружала его команду и на Лёню никто не обратил внимания. Судья небрежно взмахнул флажком. Последний! И Лёне вдруг стало грустно. Он почувствовал себя одиноким.

— Вот и наш четвёртый, — услышал он громкий голос Бориса Георгиевича. — Теперь вся команда в сборе.

И все радовались, когда в составе команды-победительницы назвали Лёню Пирожкова, мальчика, который сделал для своей команды всё, что мог.

Вот какой это был Пирожок!

Твоя Нина.

О злых людях

Здравствуй, милая Ярушка!

Ты пишешь, что всем отрядом вы были в Лидице. Видели там чёрные обгоревшие камни. Видели табличку на голом месте со словом «Школа». Засыпанный землёю пруд. Сад, от которого осталось одно обуглившееся дерево.

Правда, страшно? Даже не верится, что живые человеческие существа, умеющие думать, говорить, как все люди, способны на такое злодеяние. Фашисты со многими городами и сёлами расправились так же, как с Лидице.

Помню, мне рассказывали, мужчин расстреляли на месте. Женщин, оторвав от детей, угнали в концентрационные лагеря. Детей увезли в автомобилях, наполненных удушливыми газами. Какую надо иметь злобу на сердце, чтобы убить даже крохотную Марту Хронникову — ей исполнился всего годик!

Знаешь, далеко от Лидице, в Польше, я видела могилу со скорбным венком. «Лидицкие матери своим замученным детям» — было написано на нём. Это венок от несчастных женщин, переживших своих детей.

У меня до сих пор перед глазами стоит пепелище Лидице, я понимаю тебя. Фашисты сожгли всё. Только подумать, от всей деревушки остался медный школьный колокольчик, обугленный ствол дерева да длинные, похожие на исхудавшие пальцы ржавые ключи от церкви.

Теперь ты поняла, Ярушка, что такое фашизм и фашисты. Они уничтожают свободу и мир.

Поэтому миролюбивые страны должны быть очень сильными. Чтобы враги боялись напасть, чтобы мы могли наголову разбить их. Мы должны крепко любить нашу армию, наших солдат — защитников народа от врагов.

В прошлую войну защищать свою родину пошли многие и невоенные люди. Пошёл и твой отец. Была на фронте и я. Мнегодились тогда военные специальности, которые я получила до войны. Я умела стрелять из пулемёта, из винтовки. Научилась этому, между прочим, в пионерском отряде. Мы многим тогда занимались: ориентировались по карте, в лесу читали следы, разговаривали по азбуке Морзе. Потом я стала парашютисткой, несколько раз прыгала с самолёта. Во всех переделках, какие были на фронте, конечно, эта закалка помогала мне.

Понимаешь, надо стараться быть готовым защищать свою страну, всё, что любишь. И начинать готовиться надо, конечно, в пионерском отряде.

Как-то я прочитала у одного французского писателя, будто бы в душах детей всегда покой, а на устах — улыбка... По-моему, это неверно.

И дети не могут быть безразличными к тому, что происходит вокруг. Судя по тому, что я видела и знаю, дети всех народов помогают взрослым в борьбе за мир, за свободу.

Во многих странах есть детские коммунистические организации. У них разного цвета галстуки, свои обычаи, а цель общая.

Некоторые детские организации в капиталистических странах существуют тайно.

Ребята собирают посылки для передачи в тюрьму политическим заключённым, помогают забастовщикам, распространяют коммунистические газеты и листовки, помогают детям тех стран, которые, как Вьетнам, борются за своё освобождение. У них трудная и опасная жизнь.

Мы никогда не должны забывать о них. Помогать, как только можем. Это долг всех детей свободных стран.

До свидания, моя девочка.

Н.

БУДУЩИЙ МОРЯК

Это ещё одна история, Ярушка. В ней две части.

В первой — характеристика нашего героя, а во второй — рассказ о том, что с ним произошло.

О герое я узнала из классного сочинения Бори Барабанова «Характеристика моего друга». Вот оно:

«Я дружу с Немцовым Василием. В школе мы сидим за одной партой. Сидим мы, конечно, не так, как Головин с Андриановым (мальчики, которые постоянно ссорятся).

У Немцова волосы всклокоченные, глаза карие и правильные черты лица. Грудь у него широкая, и он этим гордится. Иногда он расстегнёт пуговицы на рубашке и показывает мне: вот, мол, грудь моряка.

Одежда у него хорошая, только пиджак немного подводит. Мальчик он не аккуратный. Я всю неделю вижу у него небольшую дыру на пиджаке.

Мальчик он деловитый. Он всегда записывает в тетради главное, о чём рассказывает учитель.

Он очень любит природу, любит читать и иногда прочтёт какую-нибудь книгу и воображает себя героем этой книги. Один раз я испробовал это на себе. Он ударил меня кулаком по плечу и сказал: «Я чапаевец».

Окружающие относятся к нему хорошо и уважают за его ум. Мне он тоже нравится.

Он любит думать о будущем и мечтает стать моряком...»

В этом сочинении дана полная и беспристрастная характеристика Васи Немцова. Как и предполагается, Боря не скрывает ни хороших, ни дурных черт своего друга.

Теперь, когда известно, кто такой Вася Немцов, я расскажу тебе о том, что произошло с ним, с будущим моряком, в суrowом море, именуемом «грамматика».

... Хорошо тому, кто отплыл в ясный день и сразу взял правильный курс. С Васей, к сожалению, случилось по-другому. Он не выучил первые правила грамматики, и весь его дальнейший курс из-за этого проходил среди рифов и подводных скал. Ошибки неожиданно выскакивали в контрольной работе, в диктанте, в сочинении; ошибка за ошибкой, пробоина за пробоиной сотрясали остов корабля. Наконец корабль стал тонуть. Это случилось в шестом классе, когда уже большой путь остался далеко позади. Шестой класс — это уже открытое море.

Васю обдавало холодом двоек, грозные шквалы зарождались на горизонте второй четверти. Весь отряд страдал из-за него. В газете появилась карикатура на тонущего моряка. Васю охватило отчаяние, и был момент, когда он сложил руки и отдался воле волн: что будет, то будет...

Но разве так поступает настоящий моряк в трудную минуту? Тем более, если этого моряка «окружающие уважают за ум», как сказано в сочинении Бори Барабанова.

Нет, настоящие моряки не сдаются! Расправив свою широкую грудь, Вася принялся за дело.

Учительница Зинаида Павловна была удивлена, когда очередное сочинение Вася написал на четвёрку.

Подождав, пока все разойдутся, она подозвала Васю.

— Вася, сознайся, — сказала она, — ты списал у Бори или ещё у кого-нибудь?

Вася сердито мотнул головой:

— Нет!

— Но почему же у тебя на этот раз почти нет ошибок?

— Я старался запомнить, как пишутся трудные слова, про которые вы рассказывали прошлый раз. Вот и запомнил.

Зинаида Павловна недоверчиво покачала головой. Не раз она встречала мальчиков и девочек, которые в трудную минуту хватаются за соломинку и начинают отчаянно списывать у своих товарищей. Она не сразу поняла, что перед ней стоит представитель одной из самых мужественных профессий. И она попросила:

— Вася, напиши на доске вот такие слова...

Он написал безошибочно.

— Почему они так пишутся?

Вася ответил.

Однажды вечером кто-то постучал в дверь Зинаиды Павловны. Она открыла дверь и увидела Васю. После первых минут, полных смущения и извинений за свой поздний приход, Вася сказал:

— Зинаида Павловна, я сегодня не понял, почему иногда пишется «в течение», а иногда «в течении». Объясните мне, пожалуйста.

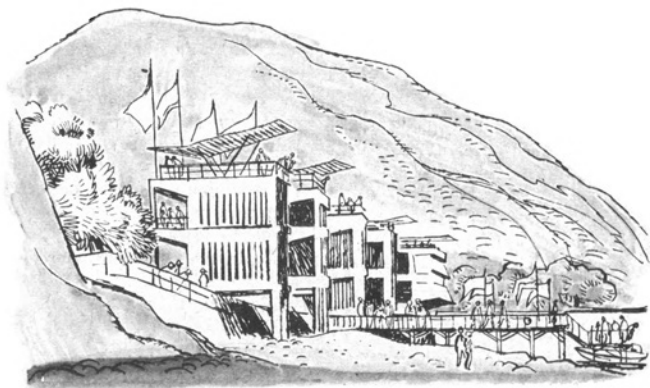
И лицо Зинаиды Павловны осветилось радостью: перед ней стоял не пустой мечтатель, а мужественный моряк. В трудную минуту, когда его корабль тянуло ко дну, он нашёл в себе силы и поборол грозный шквал. Он учил грамматику так терпеливо, настойчиво и упрямо, как это и нужно в серьёзном деле.

Вот как поступил будущий моряк!

А ты, Ярушка, — будущая учительница (балерина?), как бы ты поступила?

Жду твоего письма.

Нина.

НАШ БОЛЬШОЙ ДРУГ

Долго не писала тебе, Ярушка. Скопилось много работы. Скоро мы будем праздновать пятидесятилетие Советской власти. Мне поручили написать для газеты о том, как рабочие управляют своим государством. Конечно, надо написать не про всех, а про одного депутата. Но так, чтобы по одному можно было увидеть, как работают и другие.

Я решила рассказать об Александре Григорьевиче Картавых — депутате Верховного Совета СССР шестого созыва. Александр Григорьевич очень добрый человек, это я узнала в Новокузнецке, когда ездила туда в командировку. Он старается помочь каждому, кто его о чём-нибудь попросит.

А кроме того, у него государственные дела. Знаешь, ведь ни один закон или указ не издаётся, пока все депутаты не утвердят его. Живут они в разных концах страны, а нити со-

бытий и дел сходятся в Москве. И вот Картавых почти каждый день присылают толстые пакеты из Москвы.

Александр Григорьевич — рабочий и в то же время один из руководителей нашего огромного государства.

Ведь революция отняла власть у капиталистов и передала её рабочим и крестьянам — тем, кто сам трудится. Раньше у нас, у вас, как и сейчас в буржуазных странах, управляли капиталисты.

Не помню, рассказывала ли я тебе о нашем Путиловском заводе, заводе-революционере. Путиловским он называется потому, что хозяином завода когда-то был капиталист Путилов.

Нам теперь трудно представить себе, что целый завод, корабли, пушки, которые он выпускал, принадлежали одному человеку, — этому Путилову. Но так было. Рабочие своим трудом создавали его богатства, а сами жили впроголодь.

Одна из первых стачек на Путиловце произошла оттого, что рабочих лишили отдыха. Путилов получил выгодный заказ и хотел поскорей его выполнить, поскорей положить в карман деньги. Одиннадцать месяцев люди не знали отдыха! Они работали и по воскресеньям. И работали не как сейчас, а по десять — двенадцать часов в день. Среди рабочих были дети восьми — двенадцати лет, им тоже не делали никаких льгот. Когда они выбивались из сил, их били.

Рабочие не выдержали, взбунтовались, бросили работу и разошлись по домам. Знаешь, чем закончилась забастовка? Путилов вызвал полицию и насильно заставил рабочих вернуться на завод. А зачинщиков жестоко избили.

И потом рабочие не раз бунтовали. Дело доходило до вооружённых столкновений. Если ты когда-нибудь приедешь к нам, будешь в Ленинграде, я обязательно отведу тебя на этот завод. Смотри тогда во все глаза, Ярушка! Там даже земля священна: сколько раз на ней проливалась кровь рабочих.

Мы с тобой побываем в комнате, где хранятся старые знамёна. Красное знамя, которое развевалось на баррикадах в годы царизма. Знаменосец, державший его в руках, был убит... Знамя, с которым рабочие брали Зимний дворец. Это было в 1917 году, в ночь великого Октябрьского переворота,

когда рабочие свергли буржуазных правителей и взяли власть в свои руки. С этой ночи пошёл счёт новой жизни, в нашей стране родилось первое в мире Советское государство.

Не думай, что старый мир уходил сам собою, как уходит зима, или ночь сменяет день. Капиталисты отчаянно боролись. Я тебе покажу там флаг, который развевался на бронепоезде революции. Этот бронепоезд построили рабочие, они сами и воевали на нём против белых. За всё, что стало теперь для нас обычным — за светлую школу, за фабрики без капиталистов, за весь наш новый мир, — шла долгая и тяжёлая борьба.

Рассказываю я тебе об этом, конечно, для того, чтобы ты поняла, как много выстрадали рабочие, народ, чтобы вырвать власть из чужих рук и стать хозяевами своей страны...

И вот уже пятьдесят лет, целых полвека, рабочие и крестьяне управляют нашей страной!

Помнишь, ты как-то удивилась, увидев на фотографии в газете человека с козырьком на голове, и спросила, зачем это он надел. Папа тебе объяснил тогда: это металлург, ему приходится иметь дело с расплавленным металлом, и козырёк предохраняет его лицо и глаза от сильного жара. Вот точно такой козырёк и у Александра Григорьевича. Он вальцовщик. Стоит у конвейера, по которому одна за другой движутся раскалённые чурки металла. Их называют слябами. Глазам больно смотреть, как они сверкают.

Слябы тяжёлые, каждая весом с грузовой автомобиль. Они неторопливо ползут от одного пресса к другому, расплющиваются под ними, перевёртываются, много раз обжимаются. В конце концов с конвейера сходят огромные металлические листы. В войну из таких листов делали броню для танков.

Ещё несколько лет назад Александр Григорьевич огромным крюком хватал огненный слиток, тащил его на себя, ворочал, подсовывал под вальки. Только богатырю под силу такая работа. А Александр Григорьевич и в самом деле похож на богатыря: высокий, широкоплечий, сильный. Работа вальцовщика не только тяжёлая, но и опасная. Какая тут сновка нужна! Одно неловкое движение — и тяжеленный, пылающий сляб потащит за собой вальцовщика вместе с крюком.

Александр Григорьевич показал мне свой огромный завод,

цах, где он работает. А потом он мне рассказал, как начал работать депутатом, когда его выбрали.

В Президиуме Верховного Совета СССР всего тридцать три человека. Они ведут государственную работу в перерывах между сессиями.

Сначала Александр Григорьевич чувствовал себя неуверенно: страна огромная, вопросы важные — международные и внутренние, докладчики — министры, крупнейшие деятели страны.

На первом заседании Президиума Картавых сильно волновался и устал так, словно три смены на заводе отстоял. Ни слова не проронил на заседании. Сидел он в самом конце большого стола, рядом с председателем украинского колхоза Василием Михайловичем Кавуном. Напротив него — узбечка Турсунной Ахунова, знаменитая трактористка, Фикрят Ахметжанович Табеев, из Татарии. И Александр Григорьевич перестал робеть, понял, что и здесь нужны его опыт, знание жизни...

Мешало одно: мало у него было знаний. И уже в депутатском звании, почти в сорок лет, Александр Григорьевич после вечерней школы пошёл в техникум. Дома теперь бывал ещё меньше. Обе дочери жаловались, что совсем не видят своего папу. Да что поделаешь?..

Александр Григорьевич много ездил. Побывал в Волгограде. Привёз оттуда план и чертежи стадиона — хотелось, чтобы и в Новокузнецке был свой стадион.

Ездил он во Францию, внимательно присматривался там ко всему. Произошёл у него интересный разговор с французским рабочим, сцепщиком вагонов. Оба рассказали друг другу про свою жизнь, и оба удивлялись.

«Ого, — думал про себя Картавых, — да он за квартиру платит почти треть жалованья!»

А француз недоверчиво спрашивал, может ли это быть, чтобы правительство строило дома для рабочих?

Сцепщик допытывался, правда ли, что если у нас кто-нибудь заболел, к нему приходит врач, его везут в больницу, и всё это бесплатно.

Александр Григорьевич встретился и с французским рабочим-металлургом и узнал, что рабочий терпит много неспра-

ведливостей, но боится говорить об этом: хозяин сам назначает зарплату. Донесут ему, что рабочий недоволен, и хозяин срежет заработную плату, а то и вовсе прогонит рабочего с завода.

В наших социалистических странах рабочим нечего бояться хозяина, они сами хозяева заводов и фабрик.

Правда, и у нас ещё случаются неполадки, хотя и нет вражды, как между капиталистами и рабочими. Кто-то равнодушно отмахнулся от жалобы, кто-то поленился помочь.

Одну такую историю Александр Григорьевич мне рассказал.

Рядом со стройкой стоял маленький домик. Он мешал большому строительству. Управляющий пообещал владельцу домика квартиру в строящемся доме, с тем чтобы тот разрешил снести своё жильё. А пока новый дом не готов, пусть он поживёт в каменной пристройке.

Хозяин домика переселился. Новый дом рос на глазах... Вдруг управляющего куда-то перевели, на его место пришёл новый. Он ничего не знал о том, как договорились. Видит, служебное помещение занято, и приказывает выселить семью из него. Пришлось людям уйти из пристройки. Пришли они к Александру Григорьевичу и рассказали о своей беде.

— Поехал посмотреть, как живут, — говорил Александр Григорьевич. — А был октябрь, на землю лёг снег. Вхожу. Мать честная!.. Сараюшка, где они приютились, метра три всего. Стены тонкие, промёрзли совсем. Хозяин мне показывает: «Вот тут мой домик стоял. Вон там, видите, крыша проходной. А вот это — окно управляющего...»

Глянул я на эти окна. Значит, сидит вон там этот управляющий и смотрит на сараюшку. А тут люди в сто одежек от холода замотаны. Какой же это человек, если не поверил людям, не потрудился узнать, как было дело? Спасибо, шахтёры помогли, у них как раз новый дом сдавался — дали квартиру этой семье. Конечно, и управляющего не оставили мы без внимания, наказали его за то, что так дурно обошёлся с людьми.

Как-то пришёл к Александру Григорьевичу парень. Иваном звать. Семнадцати с половиной лет, здоровяк. «Этот Ваня кулаком быка сшибёт», — подумал Александр Григорьевич.

И вдруг оказалось, что на работу такого здоровяка никто не берёт: ему нет полных восемнадцати лет.

Александр Григорьевич повёл его на свой завод. И тут отказали.

— Да ты только посмотри на него, — горячился Александр Григорьевич, — говоришь, семнадцать с половиной? .. Ну и что из того? Выше меня ростом! Ты на его ручищи взгляни!

И всё равно не взяли Ваню на завод.

Картавых принял это близко к сердцу. Сердился: как же жить парню? Сам по себе закон, охраняющий подростка от раннего труда, хорош, слов нет, но не всё ещё продумано. В эти годы надо уже что-то в семью нести, а Ваня, вместо того чтобы делом заняться, целых полгода бездельничать должен...

Александр Григорьевич стал узнавать о судьбе других ребят, окончивших школу: кто из них дальше учится, а кто, как Ваня, болтается без дел.

Однажды он заговорил об этом на заседании Президиума Верховного Совета.

— Куда это годится — здоровый, сильный парень бьёт баклуши, томится без дела. .. И таких немало.

Решили изучить, как обстоит дело с подростками во всей стране. Когда выяснили, многое изменили и с работой и с отдыхом миллионов подростков. Был принят новый закон — после школы каждый может найти себе работу. Только, конечно, в нашей стране у подростков рабочий день короче, чем у взрослых, — больше остаётся времени для отдыха и для учёбы.

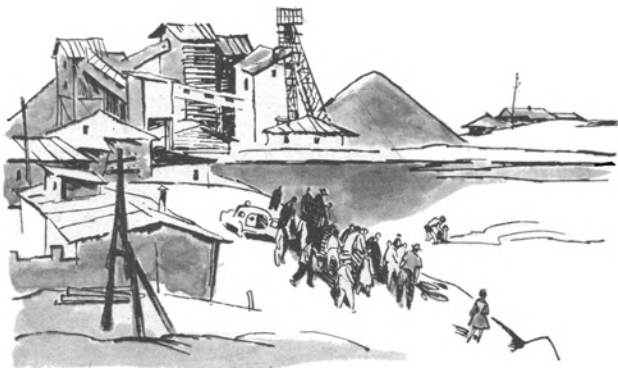
Обязательно напишу об Александре Григорьевиче в газету. Настоящий человек! Хочется рассказать про его доброту, про заботу о людях. Про то, как наша народная власть думает и заботится о хорошей жизни людей.

Мне, Ярушка, в этой поездке повезло. Встретилась я ещё с одним человеком, которого тоже смело можно назвать настоящим, хотя ему пока что всего двенадцать лет. Живёт он неподалёку от Новокузнецка — в городе Киселевске.

Но об этом как-нибудь в другой раз. Сейчас час ночи.

Спать! Спать! По палаткам!

Тётя Нина.

ДЕТИ СПАСЕНЫ...

Здравствуй, Ярушка!

Помнишь ли ты ещё старика на ярмарке? Того, что подарил тебе и Либушке «языки», когда я так неудачно стреляла? Я его вспоминаю часто. Доброта, Ярушка, дороже всего. Дорого слово сочувствия, утешения... Добрый человек всегда идёт на помощь другому, а бывает — и на подвиг.

Недавно мы получили письмо о подвиге Володи Зайцева. Вот оно.

«Дорогая редакция!

В нашей семье могло произойти большое несчастье.

Случилось это в августе, перед началом учебного года. Наши дети, двенадцатилетний Юра и восьмилетняя Вера, пошли купаться. Внезапно Вера стала тонуть. Юра начал её спасать, но Вера вцепилась в него, и оба пошли ко дну.

Поблизости оказался Володя Зайцев, ученик восьмого класса шестой школы. Увидев барахтающихся детей, он по-

думал, что они играют. Когда они скрылись под водой, он понял, что это не игра. Мальчик кинулся в воду.

И вот благодаря Володе наши дети теперь живы и здоровы.

Передайте через вашу газету большое наше родительское спасибо Володе Зайцеву, этому благородному мальчику, юному герою, которому наши дети обязаны жизнью.

*Анна Ивановна и Владимир Андреевич
Еремеевы.*

Вскоре я поехала в командировку, и хотя мне пришлось сделать большой крюк, я заехала в Киселевск повидать Володю Зайцева. Прежде я тоже встречала героев, немало их видела на войне. И всякий раз я думала: отчего одному дано свершить то, что не может другой?.. Откуда берётся сила быть смелым?

«Интересно, ожидали ли подвига от Володи окружающие?» — размышляла я, подъезжая к Киселевску. Ты, наверное, сама знаешь, про одних удивлённо говорят: «Ну кто бы мог подумать?!», а про других с удовлетворением: «Я так и знал!» Существуют ли какие-нибудь приметы героя? Можно ли заранее догадаться, на что человек способен?..

Киселевск — шахтёрский городок. Вокруг него шахты, они находятся даже в самом городе. И ребята, которых спас Володя, купались не в реке, а в озере, которое образовалось на месте старой затопленной шахты. Называется это место «Обвал».

Володина школа стоит на горе, на окраине города. Когда я пришла туда, кончались последние уроки. И представь себе, первое, что сказала о Володе учительница Елена Ильинична Коломина, было:

— Мы даже не поверили, что это наш Володя Зайцев. Думали, его однофамилец. Володя никому ничего не рассказал, мы узнали из газеты...

— Весной мы ходили всем классом в поход, — сказал другой учитель, Василий Семёнович Чернов, — и я теперь стараюсь вспомнить, как вёл себя Зайцев... Совершенно так же, как все. Удил рыбу, собирал хворост, ставил палатку. Лёня Катруца, Володин товарищ, пожалуй, больше похож на героя...

— Младший Володин братишка Гена тоже куда решительней его, — заметила Елена Ильинична.

Из учительской было слышно, как в коридоре кто-то кричит:

— Зайчик, Зайчик! Иди скорее! Тебя зовут!..

Я догадалась: Зайчиком зовут Володю Зайцева. Вскоре Володя пришёл.

Не знаю, как лучше описать его... Смуглое лицо, большие чёрные глаза. Для своих лет он, пожалуй, невысок. (Наверно, на линейке стоит на левом фланге.) Как же Володя сумел вытаскивать ребят? К тому же потерявших сознание.

— Так получилось, — покраснев, отвечал он на мои расспросы. Однако понемногу разговорился. — Мы ехали на велосипеде, я и мой двоюродный братишка; он маленький, сидел впереди меня, на раме. Видим, на Обвале купаются мальчик и девочка. Вдруг головы их скрылись под водой... Остановились, ждём, когда вынырнут. А их всё не видно. И на том месте, где мы только что их видели, вода стала совсем спокойной. Как будто тут никогда и не было ребят. На нас напал какой-то столбняк... Потом я кинулся к воде, думаю: может, увижу их? Я там не раз купался. Там неглубоко, да вода мутная, ничего не видно, и дно глинистое, вязкое. Где их искать? Я вбежал в воду. Вдруг вижу, на дне мальчик лежит. Как будто спит. Только вода его чуть колышет. Я поднял его. В воде он был лёгкий. Потом стал тяжелее, я едва вытащил его на берег. Он не дышал...

Остановив на дороге проезжавшего мотоциклиста, Володя отдал ему Юру. Бросился опять в воду. На том месте, где он нашёл Юру, девочки не оказалось. Её снесло течением. Володя долго шарил по дну, пока нашёл. Она не подавала никаких признаков жизни.

На берегу тем временем собрался народ. «Скорая помощь» увезла детей в больницу, а Володя с братишкой поехали домой. Володя никому не рассказывал о страшном происшествии. Только вечером он не смог уснуть на чердаке, где спал всё лето, — улёгся со всеми в комнате.

Наверное, сказалось сильное напряжение. Так бывает. В решающий момент человек не ощущает страха. Отгоняет от

себя всё, что может помешать. А потом, когда всё позади, происходит разрядка. Человек, прыгнув с огромной высоты, потом глянет наверх и ужаснётся: «Да как же я мог?..»

Вечером после работы вернулся домой отец Володи, забойщик шахты. Он уже узнал о поступке сына: Володин братишка Генка рассказал ему. Володе была приятна похвала отца. Приходили соседи, тоже хвалили. Но Володя не считал себя героем.

«Так вышло», — несколько раз повторил он в разговоре. По его рассказу выходило, что всякий на его месте поступил бы так же.

Но я-то видела и иное. В одном и том же случае люди ведут себя по-разному. У трусов ноги словно прирастают к земле, когда надо броситься вперёд. Слабеют руки... Чудно — человек тонет, а трус бежит по берегу, боится сунуться в воду, замирает от ужаса: «Ох, что будет со мной!»

А на что человек способен, не так-то просто разгадать. Никому не казался спокойный, ровный Володя мужественным, и все удивились его поступку. Будь Володя отчаянным, озорным, тогда никто, может быть, не удивился бы. Есть такие. Уж если кататься с гор, так обязательно с самых крутых! Если купаться, то там, где и дна не достать. Плавать до синевы, до дрожи, пока голова не закружится.

Володя тоже неплохо плавает, но он редко плавал наперегонки, далеко не заплывал.

Смелость, наверное, надо искать в другом. «Не мог же я бросить их там, в воде», — вот что он сказал.

Услыхав эти слова Володи, я поняла: смелость живёт в добром отношении к людям.

Остановись он хоть на мгновение, испугайся — мало ли что могло вспыхнуть в его сознании в момент опасности! Начни он звать кого-либо, вместо того чтобы действовать самому, — детей бы не спасти. Володя ради них стал сильнее самого себя.

Видишь, Ярушка, какую силу даёт человеку доброта.

Пиши мне.

Нина.

НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

С добрым утром, моя Ярушка!

Сегодня я путешествовала по карте Чехословакии, отыскивая твой лагерь. По моим подсчётам, ты там уже восьмой день. Как хорошо, что лагерь в горах возле большого озера. Чехословакия — очень красивая страна, но особенно я люблю ваши горы, покрытые зелёными лесами, тёмно-синие спокойные озёра. Помнишь, как мы с тобой катались по Махову озеру? Наверное, теперь ты уже научилась грести?

Эх, Ярушка, знаешь, я иногда жалею, что стала взрослой. Поехала бы сейчас с ребятами в лагерь, посидела бы вечер-

ком у костра!.. У меня за всю жизнь не было лучшего отдыха, чем в лагере, хотя последние годы я была вожатой, а у вожатых, сама знаешь, и утро и вечер — сплошные волнения. С вожатых всегда самый строгий спрос. Ведь комсомол доверяет им воспитание пионеров.

О лагере у меня остались хорошие воспоминания. Особенно о том, как мы жили на необитаемом острове. Представь себе, совсем недалеко от нашего лагеря.

А может быть, рассказать тебе об этом? Глядишь, и тебя потянет открывать неизведанные места. Ведь пионер — это, в сущности, разведчик, смелый открыватель. Да, да, не удивляйся, Ярка, на земле ещё много тайн. Уж как, казалось бы, изучена каждая страна, а в газетах то и дело сообщения: найден уголь, открыта нефть...

Наш остров правда открыл нам необычайную тайну. Мы не думали, что нам удастся разгадать её. Но ведь недаром говорят: «Кто ищет, тот всегда найдёт»...

О тайне острова я написала очерк для наших, советских ребят. Я описала всё, как было. А для тебя сейчас перевела его на чешский язык. Это была для меня не лёгкая работа, но я стараюсь не забыть чешский язык. Ты мне напиши, если найдёшь ошибки.

... Было раннее свежее утро. Солнце ещё не вставало. Над рекой плыли клочья ночного тумана. Лагерь спал. На дощатых мостках, провожая нас, стояли начальник лагеря Константин Васильевич и дежурный вожатый Коля Соколов.

— Ну, поехали!

Мы отвязали лодку, столкнули её с мокрого песка. Лодка кормой вперёд вышла из маленькой бухты, развернулась и быстро пошла по течению. Следом за ней устремилась лёгкая белая байдарка.

— Счастливо-о! — донёсся до нас Колин голос.

Лагерь быстро удалялся. Вот уже исчезли за песчаной косой деревянные мостки, слились в зелёное пятно берёзы на горе, растаяла в светлом небе высокая, тонкая мачта.

Гребцы налегали на вёсла. Вася, глядя вперёд, командовал рулевому:

— Лево руля! Ещё лево! Право!

Речка была мелкая, извилистая, то и дело просвечивали песчаные отмели. Байдарка легко проходила над ними, но, чтобы наша тяжёлая плоскодонка не села на мель, приходилось лавировать.

Мы плыли на необитаемый остров. Есть ещё такие острова на свете, и один из них, может быть самый маленький, находился неподалёку от лагеря на большом пустынном озере.

С той минуты, как стало известно про этот необитаемый остров, ребята потеряли покой. Ведь само слово «необитаемый» дышит таинственностью.

Никто из ребят даже мысли не допускал, что остров останется неисследованным. И, когда начальник лагеря решил послать экспедицию, восторгам не было конца. Одно только было затруднение: как из трёхсот ребят выбрать семерых. Это было нешуточное дело: тут можно нанести сразу двести девяносто три обиды.

Наш совет лагеря поступил просто: он предложил каждому отряду, кроме самых младших, выделить по одному человеку. Два места были даны обществу разведчиков природы, и одно — нашему спортколлективу «Маяк».

Отряды взялись за дело горячо. Они заставляли своих кандидатов состязаться в плавании, гребле. Помню я багряное зарево над берегом — это третий отряд развёл сразу двадцать пять костров (кто скорее). Помню длинную очередь у гладкоствольной сосны — на неё должен был взобраться каждый, кто хотел попасть на остров. Помню рассказы юных следопытов о следах и приметах на лесной тропе.

И вот в один прекрасный день на линейке выстроились семь человек — экипаж экспедиции, — и ребята дружно приветствовали их. Выбор сделан честно, обиженных не было.

Вот кто сидел в нашей лодке: Вася Куртышёв, спокойный и рассудительный мальчик, самый старший, он считался у нас капитаном; Слава Романов, розовощёкий, застенчивый, увлекающийся геологией; две девочки — Надя и Оля. Оля была грозным нападающим нашей волейбольной команды. У неё были сильные жёсткие ладони, вечно исцарапанные колени. Рядом с хрупкой, тоненькой Наденькой она казалась особенно широкоплечей и крепкой.

— Давай я погребу, — предлагала она Пете Суслову, нашему художнику, сидевшему на вёслах.

— Как условились. До первого озера, — отвечал Петя.

На ящике с картошкой вертелся самый младший член нашей экспедиции Вова Пешкин, черноглазый, живой мальчишка, страстный коллекционер жуков. Он всё время вертелся, потому что хотел видеть сразу правый и левый берег.

Впереди нас на байдарке плыл Толя Кузнецов, отличный пловец и хороший разведчик.

В лодке всё говорило о доброй заботе наших друзей: и бамбуковые удилища — лучшие рыболовы отдали экспедиции свои снасти, и сачки из жёлтой и голубой марли — их сделали девочки, и красный флажок, который бодро развевался на носу, — его подарили ребята младшего отряда. А сама лодка, тёмно-зелёная, с белой надписью «Остров», блистала свежей краской — мальчики из баскетбольной команды заново просмолили и выкрасили её.

Озёр в этом краю было много. Они связаны между собой, и когда-то по ним ходили пароходы. Но, с тех пор как неподалёку проложили канал, озёра опустели. Мы проплыли одно пустынное озеро, второе и вошли в третье — здесь и находился наш остров.

Озеро было огромное. Мелкая рябь пробегала порой по его светлой глади. У берега, в прозрачной глубине, почти до самого дна были видны красные и жёлтые стебли кувшинок. Листья их, распластанные на воде, поднимались от ветра, как гребешки. Плотной, густой стеной тянулись бледно-зелёные, словно выцветшие на солнце, прибрежные камыши.

Толя поплыл на байдарке вперёд, чтобы найти среди камышей протоку для нашей плоскодонки.

Странное чувство охватило нас. Где-то здесь, совсем рядом, был необитаемый остров, и от этого тишина на озере казалась таинственной.

Мы прислушивались к каждому звуку. Вот всплеснула рыба, закуковала кукушка. Да полно, кукушка ли это?

Вдруг над озером, заставив нас вздрогнуть, раздался громкий крик.

— Земля! — кричал Толя Кузнецов.

Тотчас все оживились, застучали уключины, лодка вошла в камыши.

— Как в лесу, — сказала Наденька, дотрагиваясь рукой до шуршащего камыша. — И, смотрите, вода зелёная.

Неожиданно прямо из коридора камышей к нам приблизились жёлтый обрывистый берег. По нему, словно змеи, извивались обнажённые корни деревьев.

— Земля! Ура! — закричали все разом.

Гребцы налегли на вёсла, чтобы с ходу врезаться в узкий песчаный мысок у берега. Но тут раздался треск, нас сильно качнуло, и лодка в трёх метрах от берега села на мель.

— А делается в таких случаях вот что! — сказал Витя.

Он поднял шест, лежавший в лодке (мы захватили его с собой, чтобы при ветре поставить парус), упёрся в дно и перескочил на мысок. Лодка сразу всплыла. Но теперь уже всем хотелось прыгать. Прыгнул Слава, прыгнула Оля. И Надя встала на нос лодки, взяла шест в руки:

— Ой, страшно!

— Ладно, сиди! — закричали мальчишки. — Мы сейчас подтянем лодку.

— Прыгай! — кричала Оля. — Честное слово, прыгнешь. Ну!

И Надя вдруг очутилась на берегу. Она и сама не поняла, как это шест перенёс её через воду.

— Я ещё никогда не прыгала с шестом, — смеялась она, невольно измеряя глазами расстояние от лодки до берега.

Мы поднялись на берег. Внизу, у жёлтого обрыва, на солнце играла вода, шуршал камыш, а здесь было тихо и сумрачно. Под высокими соснами во мху краснели веточки брусники. Они были похожи на маленькие яблони, усыпанные розовыми наливными яблочками. На кустах можжевельника темнели сизые тугие ягоды. По земле тянулись мохнатые ярко-зелёные стебли плауна с поднятыми вверх острыми колосками.

Всё здесь дышало покоем и тишиной. Таким мы и ожидали увидеть наш остров!

Под соснами росло множество грибов. Были тут молодые, крепкие грибки со стрелками хвои, приставшей к шляпкам, а были и большие, уже старые грибы, на хилых ножках.

Видно, никто не собирал их. Ствол длинного дерева лежал на земле, весь покрытый мохом. Древесина у него была мягкая и рассыпалась жёлтой пылью.

С высокой ветки выглянула рыжая белка, с интересом посмотрела на ребят. Так любопытные соседи глядят на нового жильца, въезжающего в дом.

Звения, пролетел какой-то жучок и тоже как будто покосился на нас: что за народ? А жаба, сидевшая под кустом, отпрыгнула в сторону и сердито зашлёпала в чащу. Она, видно, не любила заводить новые знакомства.

— Идёмте, идёмте скорей! — возбуждённо звал Вова. Ему не терпелось проникнуть в глубь острова.

— Ну, а лодки? Так и бросим всё? — спросил Вася. — Надо сначала лодки убрать.

Решили так: Толя, я и Оля пойдём отыскивать место для стоянки, Вася и Слава разгрузят лодки, а Вова, Петя и Наденька разожгут костёр и сварят обед, первый обед на острове.

Мы пошли.

Обычно в походах наш путь пересекали лесные тропинки или просёлочные дороги; до нас доносились гудки автомобилей и поездов; мы знали, что за лесом покажется на пригорке деревня, встретятся люди... А здесь мы шли, шли — и нигде не было ни тропинки, ни следа жилья.

Толя озабоченно делал засечки на деревьях и связывал пучками траву, чтобы не заблудиться. Он влезал на высокие сосны, осматривая местность.

Место для стоянки мы нашли отличное: на опушке леса, у прозрачного ручья с белыми камешками на дне.

На обратном пути мы находили вешки, сделанные Толей, «верстовые столбы», как называла их Оля.

— Давайте придумаем название острову, — предложил Толя.

Мы задумались, но, должно быть, ещё слишком мало знали остров, чтобы найти для него настоящее, хорошее название.

— Знаете что, ребята, — предложила я, — давайте пока никак не называть. Назовём в последний день, когда будем уезжать.

Так и решили...

Ребята на берегу уже ждали нас. Удивительно, как много открытий было сделано, пока мы были в разведке.

Слава видел блёстки слюды на крутом обрыве; в озере водятся щуки и сазаны; в коробке с сахаром оказались кем-то положенные конфеты; Вовка нашёл под деревом чью-то нору, а Надя — травы с тягучим и белым, как молоко, соком. Может быть, в нём содержится каучук?

— Стоп! — смеясь, сказала я. — А есть ли на нашем острове пшённая каша?

— Есть! — захлопотала Наденька возле котелков.

Какой у нас был обед! Самый лучший повар не придумает такого. Соль в белой раковине — солонке. Не хочешь, а потянешься к ней; корочка у каши запеклась, хрустит; на зелёных лопухах-тарелках горкой лежит розовая брусника, кружочки колбасы; банка со сливочным маслом обёрнута мокрой тряпкой — масло холодное, крепкое. В золе видны печёные яйца с жёлтой от огня скорлупой. А на деревянных палочках жарятся три маленькие рыбёшки — первый Васин улов.

— Завтра будет уха, — говорит Вася, поворачивая палочки над огнём.

Вова подсаживается ко мне.

— Нина, какие здесь жуки! — шепчет он.

Карманы его оттопыриваются от коробок. В них что-то звенит, жужжит, тикает, как часы.

После обеда мы разметали костёр, залили водой головешки и, взвалив на плечи наш груз, отправились к ручью, к месту нашей стоянки.

Ещё задолго до наступления сумерек вырос маленький городок: три палатки и шалаш — склад продуктов. Устали за день мы так, что даже ужина не варили. Поели холодного мяса и улеглись спать.

Я осталась у костра: нести первую вахту.

Когда, казалось, все уже уснули, я услышала за спиной сонный Надин голос:

— Нина, который час?

Я подвинулась к огню и посмотрела на часы. Было четверть одиннадцатого.

— А почему ты не спишь? — спросила я девочку.

Надя лежала, высунувшись из палатки, и глядела вверх, в тёмное, звёздное небо.

— Я гляжу на звёзды.

— А спать?

— Мы сговорились с Леночкой Семёновой смотреть вместе на одну звезду, — ответила Надя. — Она будет в лагере смотреть и думать обо мне, а я буду думать о ней. Мы подруги.

И Наденька долго не спала. В тишине слышно было, как журчит тёмный ручей, как постукивают, перекатываясь, мелкие камешки, чуть поскрипывая, мерно покачиваются высокие сосны, а звезда всё не всходила... И вдруг Наденька уснула. Она, наверное, и не заметила, как это случилось.

Лена в лагере, должно быть, ещё не спала. Ведь там, на материке, был самый обычный день. Ребята пили чай с булочками, играли в волейбол, спали в тихий час. Едва стемнело — там зажглось электричество, в спальнях ребят ждали мягкие постели. А попробовала бы эта Леночка, Надина подруга, и грести, и прыгать с шестом, и разводить костёр, и собирать хворост, и тащить тяжёлый рюкзак через лес, и стругать колышки для палаток, и натягивать брезент, как это делали сегодня наши ребята, пожалуй, и она тоже не дождалась бы восхода поздней звезды.

Шёл четвёртый день нашей жизни на острове. Вечером мы отправились на озеро купаться. Вдруг из лесу услышали громкий крик Толи:

— Стойте! Стойте! Стойте!

Мы остановились. Толя мчался к нам.

— Я нашёл пень, — сказал он подбегая.

Мы недоуменно переглянулись.

— Как вы не понимаете? — в свою очередь, удивился Толя. — Здесь были люди. Идёмте, посмотрите. Дерево срублено.

Так, на четвёртый день, накануне отъезда, начались наши волнения.

До этого жизнь шла спокойно. Было сделано много больших и малых открытий. У нас уже были образцы известкового туфа, слюды, синей юрской глины. Были собраны травы-красители и лекарственные — ромашка, валериана, колоски пла-

уна, толокнянка. В Вовиной коллекции были представлены чуть ли не все жуки, населяющие остров. Петя составил топографическую карту.

Отчётливо пролегла тропинка от озера к ручью. Стол и две скамейки появились у сосны. У ручья, окружённого белыми камешками, уже который раз менялся наш «альбом следов». Мы поливали водой илистый кусочек берега, и Петя срисовывал следы птиц, прилетавших сюда напиться.

Вася заканчивал описание озера. Он вёл наблюдение над «озёрным барометром» — так он называл кувшинку (перед непогодой лепестки её закрывались), — над тёмными ёлочками элодеи, среди которых жило много водяных насекомых, и над удивительными водорослями, лежавшими на воде, как тонкие светлые лучи.

У Васи была тетрадка с надписью: «В непогожий день». Она начиналась с рассказа о комарах: как они появились из личинок, когда по озеру ходила большая волна, и как маленьких, слабых комариков захлестнуло и весь выводок погиб.

Уже была заполнена общая тетрадь — дневник экспедиции. В дневнике были описаны разные случаи из нашей жизни, вроде истории с Вовкой. Вовка поймал однажды крота и, чтобы крот не убежал, накрыл его котелком. Но, подняв котелок, увидел только кучку рыхлой земли. Крот исчез. По этому поводу была нарисована картинка: толстый самодовольный крот весело рассказывает маленьким кротяткам историю своего спасения. Были там и другие истории. Остались только две последние страницы — для торжественного описания нашего отъезда.

Остров был исхожен вдоль и поперёк. Казалось, он не таит от нас никаких тайн. И вдруг этот пенёк...

Мы пошли за Толей. Пенёк стоял на краю поляны в окружении молодых ёлочек, маленький, неприметный. Гладкая его лысинка была не похожа на острые верхушки тех взъерошенных пенёков, которые оставались от деревьев, поваленных ветром.

— Вот тебе и необитаемый! — протянул Вовка.

Петя вздохнул. Дневник у него начинался торжественно: «Стук топора впервые нарушил тишину острова...»

А я подумала о том, что это интересная находка, и сказала:

— Вот говорят, по оторванной пуговице можно многое узнать. Давайте посмотрим, что нам расскажет пень.

— Как — расскажет? — удивился Вовка.

— Очень просто. Ведь рассказал же он Толе, что дерево не само упало, а его срубили. Ну вот как, по-вашему: куда делось срубленное дерево?

Тут уж все ребята с любопытством посмотрели на меня.

— Наверное, сожгли, — подумав, ответил Вася.

— Но тогда остался бы след костра, — быстро подхватил Толя.

— А может быть, они делали шалаш? — задумчиво проговорила Оля.

— На этом дереве, наверное, уплыли, — высказался Вовка. — Я читал в одной книге...

— Дерево росло далеко от берега, — перебил Толя. — Они срубили бы на берегу. Да и приплыли же они сюда на чём-то.

Мы задумались. Стоя над пенёком, мы как будто ждали,

что он сейчас заговорит и расскажет нам, как тут всё было. Но ведь это только в сказках деревья разговаривают и смеются. Наш пенёк молчал.

Стемнело. Мы вернулись в лагерь, но весь вечер разговор неизменно возвращался к пеньку на поляне. Все строили свои догадки.

Когда я заикнулась об отъезде, ребята встревожились:

— Неужели мы завтра уедем? Константин Васильевич (начальник лагеря) сказал, что, если будет что-нибудь очень важное, мы можем задержаться до воскресенья. А сегодня только пятница.

Я согласилась:

— Ладно. Остаёмся.

Едва поднялось солнце, все уже были на ногах. После завтрака Толя отправился обследовать овраг, Вася и Коля — ручей, Слава — брусничную поляну, Оля и Вовка должны были прочесать лес, примыкавший к поляне, на которой был пенёк.

Я считала, что важным местом в поисках может оказаться овраг. Весенним половодьем туда могло снести щепки, бумажки или ещё что-нибудь, рассказывающее о людях, побывавших на нашем острове. Я помогала по хозяйству Наде, дежурившей в этот день. Мы с ней потом вместе пошли к оврагу.

На краю обрыва мы увидели Толю. Он что-то сосредоточенно разглядывал.

— Нина! Смотрите, что я нашёл!

Он держал в руках ржавую, закопчённую консервную банку. По краям в ней были пробиты две дырки, заменявшие, должно быть, ушки для ручки.

— Может быть, здесь ещё что-нибудь найдётся, — сказал Толя.

Мы стали искать. Овраг был длинный, узкий. Узкой дорожкой на дне лежали белые камешки. Склоны густо заросли кустами и травой. Раздвигая их, мы внимательно осматривали землю. Но, кроме обломанных веток и сухих листьев, ничего не увидели. Я решила навеститься к ручью, узнать, как там идут дела. В это время Толя раздвинул рукой пышные ветки куста, и нашим глазам открылся тёмный след костра. Три головешки лежали одна на другой.

Это открытие поразило нас. Мы безмолвно смотрели на чёрные головешки. Костёр в овраге... Почему именно в овраге, в этом глухом месте?

Понизив голос, Толя сказал:

— Они скрывались...

И тотчас нам представилась тёмная ночь и люди, освещённые неярким светом костра. Он был, должно быть, небольшой, этот костёр: люди боялись выдать себя. Кто они были? От кого скрывались?

— Может быть, партизаны?...

Да, это могло быть. Здесь шли бои.

Вот что значит искать. Мы сотни раз проходили вдоль ручья. Сотни раз видели тяжёлый серый камень, разделявший ручей на две струи. Он был в трёх шагах от нашего «альбома следов». Но только теперь ребята обнаружили за камнем своеобразную кладовую — в ней собиралось всё, что приносила вода. Ребята осторожно сдвинули камень. Быстрым потоком понеслись ветки, щепки, камешки, скопившиеся за

ним. В прозрачной воде мелькнуло что-то тонкое, гибкое, похожее на маленькую змейку. Вася схватил эту змейку.

— Провод! — воскликнул он.

Скрученный из тонких проволочек, провод походил на кусок антенны. Значит, на острове когда-то были связисты?

На другой день к нашим трофеям прибавился ещё один. Толя нашёл на берегу палку. На гладком стволе её виднелись плоские круглые бугорки, похожие на мозоли: кто-то острым ножом срезал все ветки. Толя стал рассматривать палку. Нижний конец был обтрёпан. Значит, кто-то ходил, тяжело опираясь на неё. Должно быть, высокий человек — палка доходила Толе до груди. Кто это был... раненый, больной?

Постепенно мы представили себе историю людей, живших до нас на острове. Были они здесь несколько лет назад, осенью или поздним летом. Жили, очевидно, недолго, но и не один день. Скрывались. Кто-то из них был ранен или болен... Должно быть, у них было плохо с продуктами. На дне оврага, недалеко от костра, валялась куча желудей. Может быть, жёлуди были собраны для еды.

— Интересно, как они сюда перебрались? — спрашивал всех Толя.

— Видишь ли, — медленно отвечал Вася, — наверное, на острове их было немного...

Оля задумчиво смотрит, как прыгают искорки с ветки на ветку, как занимается хворост. Оля неразговорчивая. Но, когда она говорит, ребята прислушиваются к её словам. Это она предложила осмотреть ручей, это она заметила жёлуди.

В стороне от костра сидит Вовка.

— Они могли высадиться только ночью. — Глаза его блещут. Он как будто видит перед собой плывущую в камышах лодку, насторожённую ночную темь...

В эти вечера мы переносились в прошлое нашего островка и словно заново открывали его. Всё теперь для нас было иным, чем в первые дни.

Подожёл день отъезда. Мы уезжали рано, на рассвете. Из лёгкого тумана выплывали стволы деревьев. Даже птицы ещё спали.

Мы сложили палатки, связали спальные мешки.

Опустела полянка, где только что стоял наш лагерь!

Знакомой тропой пошли к озеру.

На обратном пути мы надумали заехать в ближайшую деревню и спросить там о партизанах. Может быть, известно, кто жил на острове.

— Ещё бы денёк пожить, — вздыхал Вовка, — мы бы и сами всё узнали.

— Эх, Вовка, — потрепала я его по кудрявой голове. — Ты пойми, что в памяти людей рассказы о героях оставляют более глубокий след, чем могут сохранить все леса и овраги: народ помнит их. В Прохоровке, я думаю, мы многое узнаем.

— Всё равно уезжать жалко...

Мы вышли к озеру, погрузились и медленно отплыли от берега.

— До свиданья, островок! Прощай! — крикнули мы.

И стало вдруг грустно. Маленький, затерянный среди озёр островок стал для нас близким, стал частью нашей большой родной земли.

— А мы его никак не назвали! — взволнованно проговорил Толя.

И Вася негромко ответил:

— Партизанский.

В Прохоровке в правлении колхоза мы застали старичка счетовода. Он выслушал нас, подумал, помолчал.

— Партизаны всюду были, — ответил он. — Где родная земля, там непременно был на её защите солдат или партизан.

— А я, пожалуй, знаю, про какой остров вы говорите, ребята, — вмешался в нашу беседу молодой паренёк, крутивший ручку телефона. Он оказался секретарём комитета комсомола. — Это, наверное, «пяточок», там Василий был. Ну-ка, что вы там нашли, покажите... Банку? Мало. А это что? Провод? Тоже там нашли?

Толя стал торопливо рассказывать, как мы нашли костёр в овраге, как открыли кладовую ручья, как пришли к убеждению, что жили на острове партизаны, что их было немного, что были они там осенью — в овраге рядом с банкой нашли жёлуди.

— Неужто жёлуди сохранились? Столько лет прошло! —

удивился комсомолец. Он внимательно посмотрел на нас. — Но вы не ошиблись, ребята! — сказал он. — Это партизанский остров. Там был наш радист Василий Поздняков. Один. У Василия была рация, и он передавал партизанские донесения на Большую землю. Место это тихое, укрытое. Только два человека знали, что там наша рация, — начальник партизанского отряда и один рыбак. Этот рыбак по ночам выезжал на озеро, будто рыбачил, а на самом деле возил Василию донесения и продукты. Но однажды фашисты напали на партизанский отряд, рыбака убили, начальник был тяжело ранен. Связь с Василием прервалась. А время было горячее. Фашисты готовили наступление, по озеру шли транспорты со снарядами, пушками. Понял Василий: нельзя оставить нашу армию без сведений. Он сам стал вести разведку, прячась в камышах. А ночью передавал на фронт, сколько пароходов прошло, что везут.

Восемь дней он жил на острове. Питался травой, желудями. У него распухли ноги... Да что! Он вам сам всё расскажет. Вот приедет — спросите.

— Как — приедет? Где он? — заволновались мы.

— Поехал в город. Завтра, должно быть, вернётся. Я скажу ему, он придёт к вам в лагерь.

Так мы узнали о человеке, чьи следы мы искали на острове, о мужественном радисте с «пяточка»...

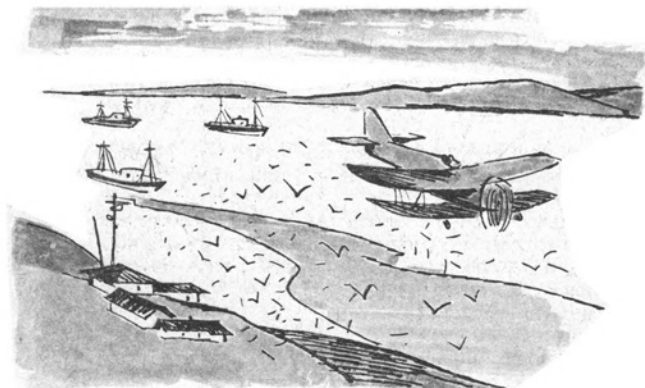
Вот показался и лагерь. Всё ясней видны зелёные берёзки на горе. Красный флаг развевается на высокой мачте. Навстречу нам с горы бегут ребята. Ещё бы! Вернулась экспедиция с необитаемого острова!

Кругом суматоха, смех. Вася выгружает вещи с лодки, и десятки рук по цепочке передают их на берег.

— Осторожно! Осторожно! Самый ценный груз! — кричит Толя.

Над толпой плывёт белая коробка из-под макарон. В ней лежит ржавая консервная банка, кусок провода и старый, совсем тёмный жёлудь.

Твоя Н.

НАД КАМЧАТКОЙ

Ну-ка разверни карту СССР, Ярушка! Иди по ней на самый восток. Видишь полуостров Камчатку? Вот там-то я и побывала.

Путешествовала не только по земле, но и летала над полуостровом. Мы с летчиком-наблюдателем искали косяки сельди. Ты спросишь: как это — искали? Сельдь в воде, а самолёт в воздухе.

Представь себе, сверху хорошо видно то, что происходит в глубине моря. А такой опытный разведчик, как Михаил Андреевич Несин, с которым я летала, не только находит косяки сельди, но и определяет, как глубоко идёт рыба, сколько её. Его не обманут ни тени облаков, скользящие по воде, ни скопища медуз, ни густые заросли водорослей.

Найдёт в океане косяк и даёт знать по радио рыбакам.

— Говорит «Рыба», говорит «Рыба». Слушайте меня! («Рыба» — позывной Михаила Андреевича.) — Он командует с высоты, куда рыбакам идти.

За несколько дней перед нашим вылетом в газете промелькнуло тревожное сообщение: во время шторма ушла сельдь.

И вот ранним утром Михаил Андреевич на небольшом самолёте поднялся в воздух. И я с ним. Небо было пасмурное, моросил дождик.

Несколько часов мы летели над морем, серым, тяжёлым и даже на взгляд холодным. Поднимались, снижались.

Когда, казалось, уже не было никакой надежды, Несин, пристально глядевший вниз, показал на тёмное, резко очерченное круглое пятно:

— Вон сельдь!

Самолёт развернулся и сделал новый заход. Тёмные пятна стали попадаться чаще.

«Сельдь держится крупными полями, от берега 100—600 метров. Незначительно смещается на юг. Срочно направлять все сейнеры. Погода промысловая», — радировал лётчик.

Радиограмма облетела рыбацки суда. С разных сторон заспешили сейнеры. Наш самолёт кружился над скоплением сельди.

— «Рыба», слышишь меня? Михаил Андреевич? Я — «Карась», я — «Карась». Иду-у! — басом заговорило одно судно.

За ним послышались голоса других капитанов.

В иллюминаторе я увидела, как два судна-близнеца, тащившие общий невод, резко изменили курс и тоже заторопились к нам.

В течение нескольких минут море стало похоже на поле перед битвой. Суда заняли свои позиции, и Несин вёл их к косякам; рыбаки не видели того, что видел сверху лётчик.

— Полный на север!

— Так держать!

— Влево двадцать градусов!

— Вправо пять градусов!

— Пошёл в замёт! — посылал команды Несин, всё время

держа в поле зрения судно и косяк, к которому его надо подвести.

Рыбаки ни о чём не переспрашивали — понимали с полуслова и маневрировали по команде, как будто они были связаны с самолётом ниточкой.

Несин рассказывал мне, что едва сельдь учует приближение судна, она делает резкий бросок, увеличивает скорость почти вдвое. Лётчик учитывал этот её манёвр.

Чем ближе подходило судно к косяку, тем точнее становился расчёт. Малейшая ошибка — и судно наткнётся на косяк или пройдёт над ним, и тогда рыба уйдёт. Промедлишь — и невод хлебнёт пустой водицы.

— Михаил Андреевич, скажи, есть у меня рыба? — снова раздаётся взволнованный голос «Карася». Он уже сделал замёт, но ещё не видит своего улова. С неба виднее.

— «Карась», «Карась»! Рыба в неводе. Центнеров четырёста.

— Спасибо за наводку.

И вот он, желанный улов! Переливается в неводе серебром. Есть рыба!

Мы летим дальше, на север. Ищем новые поля сельди. Скалистые берега круто подходят к воде, вгрызаются в море рифами. Каменистые острова поднимают ввысь острые пики и зубцы.

Мы летим в белёсом тумане. Самолёт сильно болтает. Михаил Андреевич настойчиво вызывает:

— «Якут», «Якут»! Переходи на юг. Большой улов. Не теряй времени, не теряй времени!

«Якут» — плавучий завод, который тут же, в море, начнёт обработку рыбы.

Вызывать его совсем не входит в обязанности лётчика, его дело только разведать, указать цель. Но он увлечён трудом, весь отдался ему. Как бы улов не пропал, беспокоится. Несин чувствует себя в ответе за всю операцию до конца. Это то, что называется преданностью делу.

Три дня мы так летали. Болтало нас здорово, устали очень. Но усталость я ощутила только на земле, когда мы сели в Петропавловске. В полёте было не до этого, уж

очень азартно все работали. И рыбаки и лётчик. Смотри, до чего, однако, человек додумался — ловит сельдь с воздуха!

Забыла ещё сказать тебе важную вещь: во время полёта нам передали с берега радиogramму о сейнере, который сорвался с якоря, — его унесло в море. Этот сейнер уже искали суда и самолёты. И мы полетели на розыски. В воздухе мы всё время держали связь с лётчиком-разведчиком с острова Сахалин. У него оказался такой же позывной, как и у Михаила Андреевича, — «Рыба».

К вечеру сейнер обнаружили. Все люди на нем были живы. Его на буксире привели в порт.

Тётя Нина.

ЗА МОРЯМИ-ОКЕАНАМИ

С возвращением в Прагу, Ярушка!

С удовольствием читала я твоё последнее письмо; мне понравилось и название вашего лагеря: «Мирный».

Здорово вы придумали!.. Я представляю себе, как растерялись ребята, прибежав на ужин: на кухне плита холодная, стол не накрыт, ничего не печётся, не жарится. Понятно: раз вы решили играть в полярников, то у вас должно быть

всё так, как бывает у настоящих полярников. Не пробились корабли в тумане — и в лагере плохо с едой. Начальник лагеря сказал, что продукты сброшены с самолёта. И в эдакую темь вы, голодные, бесстрашно отправились на поиски. Молодцы! Игра игрой, а всё же пришлось нелегко. Не так просто было ночью идти по лесу, прокладывая путь по звёздам, разыскивать продукты, сброшенные с самолёта.

Честно говоря, я порадовалась за вас, даже когда вы заблудились. Был такой простой выход: принять помощь «посредника», который шёл с вашим отрядом, спросить у него дорогу — он-то хорошо её знал. Но вы правильно решили: положиться на самих себя и продолжать поиск.

Воображаю, каким вкусным показался вам ужин после того, как вы нашли, наконец, в лесу рюкзак с белым парашютиком, битком набитый вкусной едой.

Такие игры, по-моему, очень нужны. Смелость и выносливость не воспитаешь на словах. А вот когда в самом деле холодно и голодно, когда в самом деле темно, когда надо суметь выдержать характер, — вот тогда игра похожа на настоящую жизнь.

Спасибо тебе за фотографии. Я разложила их на столе и с удовольствием разглядываю.

Папа твой как-то писал, что ты готовишь для меня сюрприз. Я не могла догадаться какой. А сегодня, заглянув в почтовый ящик, увидела в нём толстое-претолстое письмо. По дороге в комнату не выдержала — надорвала конверт. Гляжу — фотография, и не одна...

Спасибо, милая Ярушка, ты научилась хорошо фотографировать. Эти снимки гораздо лучше прошлогодних.

Каждый из них рассказывает мне целую историю. Я вижу не только одно мгновение из жизни мальчиков или девочек, — я вижу наше время. Садись-ка со мной рядом на диван, и я расскажу тебе то, о чём помнят только взрослые. Вот ты сфотографировала мальчиков и девочек на отдыхе в лесу. А знаешь ли ты, что надо было изменить всю жизнь наших стран для того, чтобы детям не приходилось работать с ранних лет. Чтобы они могли зимой учиться, а летом отдыхать. Чтобы у них были учителя, врачи и даже конструкторы и

архитекторы, которые строят школы и конструируют удобные парты.

Ты, конечно, думаешь, что про себя каждый знает всё лучше других. Нет, Ярушка.

Когда ты только родилась, ты ведь не знала, что будешь учиться в семьдесят второй школе? Не знали этого и твой папа и твоя мама, хотя они, конечно, уже думали о твоём будущем.

А кто-то уже знал.

Ему сразу стало известно, что ты родилась на свет. «В какую же школу пойдёт Ярушка? — задумался он. — В сорок седьмую? Но тогда ей придётся ездить в школу на трамвае и два раза переходить улицу. Нет, это далеко и неудобно. Определить её, может быть, в тридцать вторую? Там уже все места заняты. Придётся открывать новую школу, — решил он. — В Страшницах много ребят подрастает».

Позаботилось о тебе, девочка, государство твоей родной социалистической страны. Оно заботится обо всех, знает, кто состарился и кому нужно дать пенсию, кто заболел и кого надо послать в санаторий, в какой семье много детей и как помочь их родителям...

Денег в любой стране столько, сколько люди наработают. Как в любой семье. И, истратив их на что-нибудь одно, иной раз приходится отказать себе в чём-то другом. Ребята, которые плохо учатся, ошибаются, если они думают, будто огорчают этим только своих родителей. Нет, они огорчают весь народ, потому что это народ строит для них школы, готовит учителей.

И в нашей стране, и в Чехословакии на содержание школ расходуются громадные суммы. А сколько ещё на детские парки, больницы, санатории, станции юных натуралистов, техников!..

Ты, может быть, подумаешь, ничего особенного в этом нет. Дети должны учиться, а как же иначе?

Человек всегда воспринимает жизнь такой, какой он привык её видеть. Так и с тобой, и с другими ребятами. Вы с рождения живёте в социалистическом обществе, где все дети учатся, где так заботятся о детях. А вот представь себе, что

в некоторых странах Африки из ста девочек-негритянок в школу ходят только пять. Что на всём земном шаре бóльшая часть взрослых — неграмотны. В тех странах, где у власти стоят капиталисты, миллионы неграмотных, больных, обездоленных детей.

Несколько лет назад к нам в Советский Союз приехали ребята из капиталистического мира. Это были дети армян, которые когда-то, ещё до революции, не могли найти у себя на родине работу и поехали искать счастья в другие страны. Ребята выросли далеко от Советского Союза — кто в Египте, кто во Франции, в Сирии, Америке.

Я поехала встречать этих детей, а потом осталась на некоторое время в Армении, чтобы поближе познакомиться с ними.

Видела бы ты, как широко раскрывались глаза этих ребят, когда они входили в школьный кабинет физики или поднимались по мраморной лестнице ереванского Дворца пионеров. А пионерский лагерь! Они не смели поверить, что дети самых простых людей, не капиталистов, не купцов, а рабочих и служащих, могут так прекрасно отдыхать.

Их всё удивляло. Неужели каждый человек может учиться? Каждому найдётся работа? Каждому платят деньги за отпуск и за то время, что он болеет? Есть такие врачи, которые приходят домой и бесплатно лечат? Есть библиотеки, где можно бесплатно прочитать любую книгу?

Я записывала рассказы этих ребят. Посылаю тебе свои записи.

«Нашу школу содержало благотворительное армянское общество. Но однажды богатый купец, член этого общества, разорился и перестал платить взносы. Поэтому из школы исключили нескольких учениц. Среди них оказалась и моя подруга Партамян. Родители за неё не могли платить: они были очень бедные. Когда она узнала, что теперь не будет больше учиться, то заплакала и весь день не показывалась никому на глаза. Даже я не могла её найти.

Через несколько дней, когда мы встретились, она сказала, что будет заниматься сама дома.

— Ты мне поможешь? — спросила она.

Я согласилась. Мы стали заниматься. После школы я приходила к ней и приносила свои тетрадки. Сначала всё шло хорошо. Партамян очень способная — она всё понимала. Но потом стало труднее: учебников у неё не было, а я не могла объяснить всё, как учительница. В это время Партамян поступила на работу в магазин. Она подметала пол, вытирала стёкла — одним словом, была уборщицей. Теперь у неё совсем не было времени, и мы встречались только по воскресеньям. Она всегда спрашивала:

— А что вы проходите сейчас по арифметике?

Я ей рассказывала, но обе мы видели, что теперь она уже сильно отстала.

В нашей семье любили Партамян. И отец и мать жалели её и говорили, что, если бы были деньги, они сами уплатили бы за неё в школу.

Однажды, когда мы сидели за обедом, старший брат сказал:

— На днях у нас будет серьёзный футбольный матч. Если мы его выиграем, получим приз.

И действительно, через несколько дней команда брата победила. Он принёс домой деньги. Все стали строить планы, как лучше истратить эти деньги.

Мать сказала:

— Давайте уплатим за Партамян. Ведь мы не рассчитывали на эти деньги. Как-нибудь проживём без них.

И отец и брат согласились. Через несколько дней Партамян снова стала учиться.

Вот какой счастливый случай помог Партамян вернуться в школу».

Правда, счастливый случай! Смотри, Ярушка, на какой тоненькой ниточке висела судьба Партамян. Надо было, чтобы брат её подружки оказался футболистом, чтобы на матче с другой командой его команда выиграла и получила приз, чтобы у футболиста оказалась такая добрая семья. Ну, а вдруг бы команда проиграла? А вдруг не было бы у Партамян такой знакомой семьи?.. Тут всё зависело от случая.

Прочти ещё одно письмо. Я нарочно выбираю письма

ребят, приехавших из разных стран, и ты видишь — капиталистические порядки везде одинаковы.

«Учителя нашей школы били нас. Особенно злой был один учитель, он на урок приходил с палкой и бил нас так, что мы удивлялись, как у него палка не ломается. Но однажды она всё-таки сломалась. Вот как было дело.

Я написал диктант и нечаянно посадил кляксу. Хотел стереть её, но резинки у меня не было, и я попросил её у мальчика, который сидел впереди. Он сначала сделал вид, что не слышит. Потом очень медленно достал резинку из пенала и протянул мне со словами:

— На, попрошайка, нищий!

Это был богатый мальчик, он всегда смеялся над бедными. Поэтому я старался никогда ничего не просить у него.

С кулаками я набросился на обидчика. Он закричал. Учитель подбежал к нам и так стал бить меня, что палка сломалась и конец её отлетел далеко к доске...»

А вот третий рассказ:

«Однажды после урока меня вызвал к себе директор.

Я постучался в его кабинет и вошёл. Директор не обратил на меня внимания и продолжал разговаривать со своим помощником. Так я простоял около двери минут десять, если не больше.

Вдруг директор спросил, словно только сейчас заметил меня:

— Зачем этот мальчик тут стоит?

— Вы меня звали, господин директор.

— Ах, да! Я совсем забыл. Мы тебя исключаем. В нашей гимназии больше не будут учиться армяне. Я получил такой приказ. Собирайся — и марш домой!

Я стоял, словно окаменев, и не двигался с места.

— Ну! — крикнул директор. — Долго я буду с тобой разговаривать?! Иди!

Я вышел из комнаты и, позабыв даже про книги, пошёл домой.

Когда я подошёл к нашему дому, то услышал за дверью весёлый смех. Это отец, придя с работы, играл с младшими ребятами. Мне жалко было нарушать их игру, и я решил по-

стоять за дверью, пока не перестану плакать. Но я неожиданно всхлипнул.

Отец открыл дверь:

— Кто тут плачет? Петрос! Что с тобой?

Тут я не выдержал и разрыдался. Я всё рассказал отцу. Он старался меня утешить, говорил, что я ещё буду учиться, но мы оба знали, что это неправда.

Так оно и случилось. До самого приезда в Советский Союз я нигде не учился. Я стал забывать даже то, что знал...

«Когда мы приехали в Советский Союз и поступили в школу, — рассказывал ещё один мальчик, — то почти всем пришлось учиться классом ниже, чем учились за границей, потому что у советских ребят знаний больше. У нас, например, вовсе не преподавали физику, химию, естествознание. Вместо них был один предмет: «наука». В школах не было кабинетов, приборов для опытов. Мы проходили всё очень сокращённо, без практических занятий. Учили по своим записям: учебники стоили дорого, их не все могли купить.

По математике у нас тоже была сокращённая программа. Например, в пятом классе у нас была только арифметика. Геометрию и алгебру мы не учили. А всего в школе было шесть классов. Ясно, за один год ни алгебру, ни геометрию изучить нельзя.

Каждый день у нас начинался молитвой. Нам рассказывали о том, что богатство бог даёт за хорошие дела. А рядом с нами жили богачи, которые никогда никаких добрых дел не совершали. Нас всё время приучали к мысли о наживе, о богатстве: ведь в капиталистическом мире ценится только богатый человек... Мы видели бедных тружеников, которые много хорошего сделали в своей жизни, но умирали в нищете.

Сейчас, когда мы приехали в СССР, мы попали совсем в другой мир.

В советской школе мы стали получать настоящие знания, и многое из того, чему нас раньше учили, кажется нам теперь диким».

Мне хотелось бы, чтобы ты внимательно прочла эти рассказы и дала прочесть ребятам у себя в отряде. Чтобы они

ценили заботу о себе в наших социалистических странах. Дело ведь и не только в средствах. Коммунисты и комсомольцы отдают много времени и сил, чтобы учить и воспитывать детей. Сколько у нас в стране одних вожатых-рабочих! Днём комсомольцы работают на заводе, а вечером идут к детям.

Так обстоит дело у нас, в СССР. Так и у вас, в Чехословакии.

Свободные народы прежде всего заботятся об образовании и здоровье детей.

Вот какие мысли вызвали у меня твои фотографии.

Целую тебя. Ещё раз спасибо за сюрприз.

Тётя Нина.

СЫН КОММУНИСТА

Письма к тебе, Ярушка, становятся для меня вроде дневника, привычкой. Я пишу их так, как если б каждый вечер заходила к тебе. Дома у нас посмеиваются — такая большая тётя, а дружит с маленькой девочкой. Но я не вижу в нашей дружбе ничего удивительного.

В Праге ты, непоседа, с таким редким терпением всегда отвечала мне, когда я забегала к тебе спросить какое-либо чешское словечко. Не уставала водить меня по Праге. А теперь я стараюсь издала помочь тебе. Ты лучше меня знала Прагу, я, пожалуй, неплохо знаю жизнь.

«Осторожно, Ярушка, не споткнись...», «Смотри, Ярка, какое красивое здесь местечко!», «Давай подойдём поближе. Что это за огонёк там светится?», «Откуда взялась эта туча?

Надо предупредить Ярушку»... Так думаю я про себя, когда сажусь за письмо.

Знаешь, в детстве долго можно блуждать, не находя верного пути, как блуждают порой неопытные путешественники в лесу: идут, идут и в конце концов оказываются на том же месте, откуда пошли. Так бывает, например, когда ребята остаются на второй год в одном классе. Они, бедняги, не понимают, что на целый год отстали от своих товарищей. Шли с ними целый год и остались на месте.

Сегодня мне хочется рассказать тебе о двух братьях, которые, как и ты с Либушей, совсем не похожи друг на друга. Я часто думаю: почему это в одной семье вырастают такие разные люди?

Недавно у меня была очень интересная встреча с одним итальянским журналистом. Я пришла к нему в гостиницу за статьёй и увидела двух мальчиков, его сыновей.

Старший брат, Энрико, широкоплечий, с сильными мускулистыми руками. Рядом со своим младшим братом, Деде, напоминавшим слабую, робкую рябинку, Энрико выглядел крепким, сильным дубком. Энрико заразительно смеялся, шутил и, когда я попросила, спел задорную песенку.

А Деде, узкоплечий, с испуганным взглядом, просидел весь вечер молча, забившись в тёмный угол.

Когда ребята ушли спать, я осторожно заметила в разговоре с их отцом, как не похожи друг на друга братья.

— По характеру ещё больше, чем по внешности, — ответил отец. — С Деде у нас много хлопот... Вы знаете, в Италии нелегко детям коммунистов. Как в любой капиталистической стране. наших детей не жалует школьное начальство. В школе коммунистов называют дурными людьми. А мы учим наших детей всем сердцем любить вашу светлую страну. Учим верить в коммунизм.

Дома ребята слышат одно, а в школе совсем другое. Ни одна мысль, вынесенная нашими ребятами из дома, не встречает поддержки в школе. Конечно, это нелёгкая жизнь. Учтите, что в Италии немало детских и юношеских организаций, в которых воспитывается вражда к коммунистам. Они борются за своё влияние, они преследуют детей коммунистов...

Старший, Энрико, впрочем, никогда не колебался. Он твёрдо решил: вырастет и станет коммунистом. Как отец, как мать. Как дедушка, расстрелянный фашистами. Поэтому с первых лет своей школьной жизни Энрико вёл себя как маленький коммунист.

Там в школе так принято: при входе в класс каждый ученик должен произнести молитву. Энрико никогда этого не делал, он даже маленький молча проходил на своё место. И до четвёртого класса это сходило ему с рук. Просто никто не мог представить себе, чтобы в школе, где все дети религиозны, вдруг мог появиться безбожник.

В четвёртом классе бойкотировать бога потихоньку, как

делал Энрико, стало невозможно. Появился новый предмет: закон божий.

На первом уроке священник увидел, что Энрико сидит сложа руки и ничего не записывает в тетрадь.

— Скажи, сын мой, почему ты ничего не записываешь? — спросил священник.

— Потому что я не верю в бога, — ответил Энрико.

— Ты не веришь в бога? — удивился священник. — Но ведь я только что рассказал, как бог создал землю и небо...

— Это неправда!

— Ты глупый! — усмехнулся священник.

Энрико был слишком мал для большого спора. Он ещё не знал, как на самом деле возникли земля и всё живое.

— Не верю, — повторил мальчик.

Класс недоумевал. Сосед по парте шепнул Энрико:

— Встань, встань.

Но Энрико продолжал сидеть.

Кто-то крикнул:

— Коммунист!

— Он коммунист! Коммунист! — зашумел класс.

Священник наклонился и внимательно заглянул в глаза мальчика.

— Скажи, сын мой, это правда? Ты коммунист?

Энрико растерялся. Коммунисты — взрослые люди. Как может он, мальчишка, назвать себя коммунистом? И всё-таки решился и сказал:

— Да, коммунист.

Священник всплеснул руками:

— Сын мой, бог наказывает коммунистов.

После уроков никто не захотел идти вместе с Энрико домой.

А его старый друг — они вместе пришли в первый класс — сказал:

— Я знаю, Рико, ты ни в чём не виноват. Виноваты твои родители.

Энрико грустно побрёл домой один.

Верующие обычно грозят возмездием на небе, но, не дождавшись, пока бог накажет грешника, берут это на себя.

Три скаута, классом старше Энрико, решили проучить мальчика. Они подкарауливали его.

— Коммунист! Коммунист! — закричали они, увидев Энрико.

— А вы-то кто такие? — остановился Энрико.

— Мы? — Они подошли поближе. — Мы те, кто бьёт коммунистов.

— Трое на одного, да? — закричал Энрико.

Тут его так ударили в грудь, что он едва устоял на ногах.

В эту пору в сквере были только старушки с маленькими детьми. Видя эту неравную схватку, они кричали Энрико:

— Беги! Беги!

Энрико не убегал. Он отбивался руками, ногами. Из носа у него шла кровь. Больше всего он боялся упасть, — тогда с ним живо расправятся.

Скауты не ожидали такого сопротивления. Они не приняли открытого боя и убежали.

— Встретимся ещё! — крикнул вдогонку Энрико.

Энрико едва добрёл до скамейки. Ему казалось, враги сейчас вернутся.

Но время шло, а они не возвращались. Мальчик вздохнул свободнее. Собственно, всё это в порядке вещей. Мы — рабочие, коммунисты. Они — капиталисты. Мы и они — непримиримые враги. Энрико знал: у взрослых схватки бывают похлеще. Мальчик с гордостью подумал, что расскажет это всё отцу. Он поймёт сына...

Так рос Энрико.

А с Деде было иначе. Энрико спорил и дрался, Деде по-малкивал, втихомолку плакал.

— Почему же ты промолчал? — выговаривал ему отец, узнав, что в их классе скауты возводили небылицу на коммунистов. — Разве тебе нечего было ответить? Ты что, не знаешь нас с мамой? Не знаешь наших товарищей?

В ответ Деде только плакал...

Интересно, что, несмотря на неприятности, Энрико жилось всё же лучше, чем слабохарактерному Деде. На удивление всем, безбожника Энрико даже освободили от занятий законом божьим.

— Своим неверием он портит других детей, — сердито заявил священник.

Никто из скаутов не решался подступиться к Энрико, а другие ребята всё чаще подходили к Энрико спросить то одно, то другое. В своём классе он стал центром правды.

Буржуазные газеты чернили Советский Союз, искажали все события; трудно было ребятам понять, что происходит. Когда полетела первая советская ракета в космос, Энрико принёс в школу фотографию Лайки, рассказал такое, от чего у ребят дух захватило: там, в Советском Союзе, в космос вот-вот полетит человек...

А Деде самого всё время терзали сомнения. Особенно сложно было с богом.

— Мама, почему ты думаешь, что бога нет? — спрашивал он.

— Потому, что знаю это, Деде, — отвечала мать. — Ведь ты хорошо знаешь, что черти, феи, колдуны живут только в сказках. Так и бог. Религия — это сказка о боге.

Деде соглашался с матерью, но, пробегая мимо «стены святой Марии», он на всякий случай украдкой крестился. А вдруг бог есть? Сидит там на небе и сердито смотрит на Деде?

Однажды мальчик решил испытать силу святой Марии.

Почти час он простоял на коленях перед «стеной святой Марии» молясь.

— Почему ты не готовишь уроки? — спросила вечером мать.

— Нам ничего не задали, — солгал Деде. Надеясь на святую Марию, он не решил ни одной задачки.

Утра он ждал с волнением. Поможет молитва или не поможет?

Учитель вызвал его. И чуда не произошло. Деде получил плохую отметку, несмотря на молитвы...

В глубине души Деде, так же как и Энрико, конечно, стоял за коммунистов. Он даже помогал им: вместе с другими ребятами расклеивал и разбрасывал листовки, собирал старую, ненужную бумагу и продавал её на рынке, а вырученные деньги отдавал на нужды партии. Но он боялся об этом сказать открыто. Он старался даже не подходить к Энрико в школе — брата все считали коммунистом...

Однажды на уроке учительница завела очередной разговор о том, какие плохие люди коммунисты, как они вредят государству. Деде слушал её потупившись. Он не заметил, как у него потекли слёзы из глаз...

— Ты не плачь, — вдруг услышал он за собой шёпот. — Пусть говорит что хочет. Мы-то с тобой знаем, что коммунисты смелые и самые справедливые люди на свете.

Это утешал Деде новичок, недавно поступивший в этот класс.

— Что такое? — Учительница услышала шёпот. — А ну, марш на место! Сейчас же!!

— А я и так сiju, — ответил ей новенький. И добавил громко: — Не плачь, Деде. Нам-то стыдиться своих отцов нечего.

Деде был ошеломлён, поражён смелостью новичка. Он почувствовал себя увереннее, сильнее.

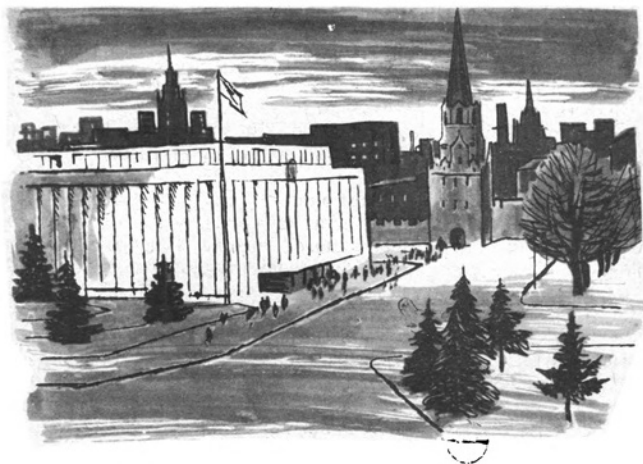
В пятом классе Деде решил вступить в пионеры.

— Конечно, Деде ещё не совсем твёрдо стоит на своих ногах, — сказал отец. — Ему ещё многое придётся преодолеть в себе, поверить в свои силы. Но я уверен, это непременно произойдёт. Он уже начал воспитывать себя...

После этого разговора я долго сидела задумавшись и поняла, почему же вырастают в одной семье разные дети. Каждый человек воспринимает не только то, чему его учат другие. Он и сам себя учит, сам воспитывает себя. И, пожалуй, он самый сильный воспитатель: он лучше всех знает самого себя. Если б Деде так строго воспитывал себя, как Энрико, то не знал бы и половины горестей. А он оправдывал свою слабость и поэтому оставался слабым. Злые люди пользовались этим... Только влияние и поддержка таких сильных людей, как отец, Энрико и новенький ученик, помогли Деде побороть свою нерешительность, пробудили в нём желание быть сильным.

А что ты скажешь об этом? Что скажет на это Либуша? Будь же и ты, Ярушка, сильной, смелой, как Энрико.

Нина.

ЧТО ЛУЧШЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ?

Моя дорогая Ярушка, здравствуй!

На минуту зажмуь глаза, представь себе, что прошло много лет. Ты и пионеры из твоего отряда выросли, стали агрономами, врачами, инженерами, космонавтами. Ты, наверное, учительница.

Сбылось всё, о чём каждый мечтал.

В Праге наступает вечер. В небе над зелёным Петршином загорелась яркая звёздочка. Обычно в это время дети ложатся спать. Но ты уже взрослая, тебя никто не укладывает по-раньше.

Что это?.. Ты достаёшь свой пионерский галстук. Он хранится в том ящике, где собраны свидетели твоего детства — фотография класса, жёлтый мячик, выигранный когда-то в

лотерею, засушенный коричневый цветок. Где ты его сорвала? Зачем он попал сюда?...

Ты, наверное, и сама уже забыла.

Ты надеваешь галстук, расправляешь его концы... Он ярко выделяется на светлом платье.

Сбор назначен на шесть часов. Ты торопишься. Издалека уже видишь своих у школы. Они верны пионерскому правилу: не опаздывать на сбор.

— Ярка! Ярка! — кричат они.

Ох, что делает время! Ни за что не узнать в солидном инженерере прежнего щедедушного Гонзика. Радостно протягивает он тебе руку — это он-то, постоянно дразнивший тебя в школе!

— Гонза, ну как твои модели?

О каких моделях ты спрашиваешь — о нынешних, которые он строит на заводе, или о тех давних, детских?

Ты думаешь, конечно, что я фантазирую. Какой такой пионерский сбор может быть у взрослых?..

Может, Ярушка! И недавно я была на таком сборе. Его проводил отряд имени Дзержинского. Пришли пожилые люди — им теперь уже лет за сорок, — все в пионерских галстуках.

Когда-то это был лучший отряд в Москве. Он завоевал знамя Барселоны, о котором тогда мечтали все мы, пионеры, в своих отрядах.

Знамя пришло издалека, из Испании. Там, в горах Гвадалахары, в рабочей Каталонии, на подступах к Мадриду шли бои с фашистами. Во главе революционного народа стояла пламенная Пассионария, коммунистка Долорес Ибаррури. Ей принадлежат гордые слова, облетевшие тогда весь мир: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Испанский народ боролся за свою свободу. Многие коммунисты из СССР, Чехословакии и из других стран с оружием в руках защищали революцию в Испании.

Вряд ли в то время хоть один пионерский отряд в нашей стране обходился без карты сражающейся Испании. Мы пели в отрядах гимн революционной Испании, ловили каждое сообщение с далёких фронтов.

И вдруг из Каталонии, от пионеров Барселоны пришло знамя. На нём было написано: «Русским пионерам от каталонских братьев».

Как дорого оно было каждому из нас! Кто же примет, чей отряд возьмёт в свои руки знамя испанских ребят? Отряд, который докажет своё умение защищать родину от фашистов.

Все пионеры старались стать сильными и смелыми. Учились стрелять, как настоящие солдаты, оказывать первую медицинскую помощь, бесшумно преодолевать вплавь реку, пробираться на лыжах в условленное место, подобно бесстрашному разведчику, бросать гранату точно в цель.

Знамя Барселоны завоевали пионеры отряда имени Дзержинского.

И вот двадцать пять лет спустя я увидела пионеров этого отряда уже взрослыми. Я как бы прошла по главному пионерскому маршруту: настоящее — будущее.

Знаешь, Ярушка, глядя на этот отряд, я поняла: ребята часто ошибаются, думая, будто настоящая жизнь начинается после школы. Они говорят: «Вот когда я вырасту...», «Когда буду взрослым...» Нет, всё, и хорошее и плохое, начинается с детства.

Когда отряд боролся за знамя Барселоны, ребята часто играли в войну. Отряд дзержинцев так здорово маршировал, что однажды пионеров попросили пройти строем перед новобранцами — показать молодым солдатам настоящую строевую выправку.

В отряде были смелые ребята, а были, наверное, и трусы. Пионерская жизнь заставляла каждого испытывать свои силы, закалять волю. Был случай, когда отряду привелось жить в домике неподалёку от кладбища. Девочки боялись, невольно вспоминались им всякие жуткие истории, одна страшней другой. Отряд объявил войну страху... Тебе это может показаться смешным — ты ведь не трусиха. А вот Либуша маленькая, я знаю, многого боится. Но за тобой и она идёт, однако, смелее. Так было и в отряде дзержинцев. В одиночку многие ребята не могли справиться со своей слабостью, но каждого подкрепляла воля тридцати ребят.

Походы, лыжные кроссы, путешествия на велосипедах, костры в лесу — разве в одиночку можно было сделать хоть половину того, что затевал отряд! Пионеры ездили в гости к красноармейцам, побывали у знаменитого пограничника Карацупы, переписывались с моряками линкора «Марат». Их жизнь была куда шире обычной школьной, они связывали свои дела и планы с событиями и делами страны. Правду сказал Владимир Ильич Ленин: «Организация детей — это лучший путь воспитать коммунаров».

Понимаешь, так складывается «коллективный характер». Каждый оставался самим собою, но отряд придавал ему силу и смелость, добрые желания и умные мысли, убеждения ленинцев.

Потом пионеры выросли, и пути их разошлись. Кто-то стал инженером, кто-то выбрал себе профессию врача...

Когда началась Великая Отечественная война, в первые же дни почти все пионеры этого отряда ушли на фронт. К тому времени они уже выросли.

Был в отряде пионер Лёва Давыдов. Он увлекался военными играми, был настоящим заводилой. Мне рассказывали, что однажды он устроил игру для всей дружины. На сбор вдруг примчался мотоциклист с секретным пакетом: «Школа в опасности, наступает враг!»

Лёва заранее сказал каждому отряду, что надо делать при «обороне» школы, и в несколько секунд все пионеры оказались на своих боевых местах.

Подражая военным, своим любимым героям, Лёва всегда ходил в сапогах и в военной фуражке, которую ему кто-то подарил. Он очень дорожил ею.

На фронте Лёва Давыдов стал героем. Однажды его танковый взвод попал в засаду. Экипаж Лёвиного танка принял бой на себя, дав возможность двум другим танкам прорваться из засады и спастись.

Слушая рассказ о Лёве, я думала: всё, всё начинается в детстве.

«Коллективный характер», воспитанный в детстве, помог и врачу и инженеру стать в жизни крепко на ноги. Все остались верны своей пионерской дружбе. Подумай только: как

надо любить свой отряд, своих старых друзей, чтобы много лет спустя, отложив все дела, прийти, приехать, прилететь на самолёте точно в назначенный день и час на встречу с друзьями!

Будешь ли ты так же любить свой отряд? Будешь ли помнить ребят, с которыми провела пионерские годы?

Не знаю, что ещё так ясно запоминается, как детство. Спроси меня: какую песню я помню лучше всего? Конечно, ту, которую мы пели у костра. Она пережила во мне все новые песни.

Почему, заслышав на улице марш солдат, дробь барабана, я стремглав кидаюсь к окну? Потому что во мне осталось особенное ощущение от того времени, когда мы в галстуках шагали отрядом по улице, стараясь держать равнение.

Знаешь, в первом своём отряде я была самой маленькой и всегда стояла в конце линейки на левом фланге. Я и ещё один мальчик. И когда отряд строился в колонну по четыре, мы с ним замыкали строй. Как я завидовала рослым ребятам, тому, что они идут под самым знаменем. А мы семеним где-то в хвосте, позади всех. До сих пор я помню об этом своём огорчении. Как я хотела поскорее вырасти! Вожатая, наверно, это понимала. Она завела такой порядок: на обратном пути мы, маленькие, шагали впереди отряда. Вели за собой всех! От гордости мы не чувствовали усталости после долгого похода...

Видишь, на меня нахлынули воспоминания. Всплыли в памяти огорчения и радости детства.

Помню я один дорогой мне вечер. Мы шли с вожатой по улице. Она положила руку на моё плечо, и я так боялась, что вдруг как-нибудь повернусь и рука соскользнёт с плеча... О многом говорили мы в этот вечер.

— Что лучше всего на свете? — спросила я.

И Настя убеждённо сказала:

— Видеть вокруг себя счастливых людей.

Мне это в голову не приходило. Казалось, что настроение зависит от отметки, которую получишь, от того, обгонишь кого-то в беге или отстанешь, от замечания учительницы.

И вдруг я представила себе: что было бы, если бы меня окружали только хмурые, расстроенные люди. Самое радостное настроение пропадёт в таком окружении. Меня поразила эта мысль. Может быть, именно тогда я захотела обязательно стать коммунисткой. Я уже знала, что коммунисты делают всё для счастья людей.

Ласково, как моя вожатая, пионерская организация поворачивает каждого мальчика и каждую девочку лицом к будущему, раскрывает им смысл жизни. Она превращает дурного в хорошего, бессильного — в крепыша, застенчивую девочку — в смелую партизанку; превращает не на год и не на два, пока у человека на груди красный галстук, а на долгие, долгие годы, на всю жизнь.

Пионерская организация взяла на себя самое трудное: создание настоящих характеров, и за свое умение воспитывать она награждена высокой наградой — орденом Ленина. А этим орденом награждают героев космоса, героев труда, революционеров, тех, кто совершил подвиг во имя ленинского дела.

Я была в Кремле, когда пионерам вручали орден.

Ах, Ярушка, если б ты видела дворец, в который мы попали! Он весь светится, как кристалл. Стены его прозрачны, за ними видна Москва.

Когда мы шли по улице, уже начинало смеркаться. А войдя во дворец, мы как будто попали в солнечный день. Ночная темнота улиц была отделена от яркого дня во дворце невидимой, прозрачной стеной. Казалось, протяни руку и тронешь ночь.

Во дворце полно чудес. Мягкий, как ковёр, пол приглушает шаги; свет льётся из невидимых ламп. В подлокотники кресел вмонтированы маленькие наушники; стоит перевести рычажок, и услышишь речь оратора в переводе на свой родной язык. Ты могла бы услышать по-чешски и француза и русского, говорящих на своём языке.

Интересно, правда?

Во дворце было очень торжественно. На празднике были не только дети, там было полно взрослых, даже с сединой в волосах. Как у меня.

Но все мы на этом празднике чувствовали себя так, будто после долгого-долгого отсутствия вернулись в свой пионерский отряд. Когда двенадцать фанфаристов запели в серебряные трубы: «Слушайте! Слушайте все!» — вспомнились лагерь, линейка, флаг, медленно ползущий вверх по высокой мачте...

Все поднялись с мест, когда к пионерскому знамени прикрепили орден Ленина и знаменосец развернул красное полотнище.

Мой сосед, пожилой человек, — вся грудь в боевых орденах — стоял по стойке «смирно», точно на присяге... Это был его праздник, мой — всех, чей жизненный старт был в пионерской организации.

А нас ни много ни мало — сто миллионов!

Большой город Прага, да? Так вот в Праге — миллион жителей. Значит, пионерами разных поколений можно было бы заселить сто таких городов. Пионеры-шофёры, пионеры-работчие, пионеры-архитекторы, инженеры, лётчики — выходит, в Советском Союзе вырос целый пионерский народ!

На празднике много рассказывали о пионерских делах, было радостно и даже немного удивительно. Куда только не забирались ребята, за что только они не брались.

Были у пионерской организации свои герои. Они жертвовали жизнью для своей страны. Во многих городах есть памятники детям-героям.

Но я думаю сейчас даже не только об этих особенных, лучших пионерах, а о самых обыкновенных, обо всех нас, ста миллионах.

Правда, много сделали пионеры. Тотчас же после революции, когда в стране было больше неграмотных, чем грамотных, ребята учили взрослых читать и писать. Помогали проводить электричество и радио в глухие сёла и аулы; растили лошадей и служебных собак для пограничников; строили спортивные клубы и избы-читальни в сёлах; уходили в тайгу, взбирались высоко в горы — искали лекарственные растения.

Если бы кому-нибудь пришло в голову подсчитать то, что сделали миллионы пионеров, получилась бы необыкновен-

ная «пионерская арифметика». Каждое доброе дело, самое небольшое, подхваченное всеми, выросло в миллионы раз.

Мне запомнилась особенно одна цифра — миллион тонн. Столько металлолома собрали пионеры. И знаешь, почему она мне запомнилась? Потому что я сама видела, как пригодился этот металл. Помнишь, я ездила из Праги на строительство нефтепровода «Дружба»? Там я видела, как укладывали широкие чёрные трубы в глубокие канавы, вырытые по обе стороны границы на землях Чехословакии и Советского Союза. По этим трубам с берегов Волги уже течёт теперь нефть в Чехословакию. Эти трубы отлиты из металла, собранного ребятами.

Если бы мне предложили нарисовать картину из истории пионерской организации, я нарисовала бы великана, шагающего по трудной дороге, всё время в гору. Это наш советский народ. А рядом девочку или мальчишку в красном галстуке, которые стараются идти в ногу с великаном.

Он, большой, сильный, заботливо ведёт ребят. Где-то приподнимает их, перенесёт через преграду, где-то прикроет, заслонит собой. . .

Так и шагают они вместе — советский народ и его пионеры. И могучий великан внимательно смотрит за ребятами. Он радуется всему хорошему, что они делают. Но главное для него не та польза, которую приносят ребята, а то, что, занимаясь своими добрыми делами, они вырастают юными ленинцами. Они думают и заботятся о своей стране. Это и значит расти для ленинской работы, для коммунизма.

И твой отряд, Ярушка, шагает под красным знаменем, как шагал отряд, в котором выросла я. . .

Да, Ярушка, скоро вырастешь и ты. . . У каждого из твоих товарищей по отряду останется память о тебе, запомнится какая-то добрая черта твоего характера. И ты вберёшь в себя чьи-то хорошие правила жизни, чьи-то привычки. Ведь вы все вместе росли, вместе становились юными ленинцами.

Очень мне хочется представить тебя взрослой! Будешь ли ты такой же весёлой, как сейчас?

Главное — расти хорошим человеком!

В каждом из нас есть драгоценный талант — человечность, доброта. Человек должен приносить радость окружающим. Доброта сердца и понимающие глаза — вот самое большое богатство и счастье в жизни.

Такой богатой и счастливой я хочу тебя видеть, моя Ярушка...

Нина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Первое знакомство	5
Твои ровесники	11
Не бойся чёрного пуделя	18
Кто сказал, что девочки — трусики?	20
История «капитана-проигрыш»	29
О пропавшей девочке, почтовой марке и об одном споре	33
Газетная страница	40
«Понимающие глаза»	44
«Адмирал» уводит класс	50
Три Гонзика	55
Семь дождливых дней	59
Четвёртый в команде	64
О злых людях	67
Будущий моряк	70
Наш большой друг	73
Дети спасены	79
Необитаемый остров	83
Над Камчаткой	98
За морями-океанами	102
Сын коммуниста	110
Что лучше всего на свете?	118

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Александрова Нина Александровна

С ДОБРЫМ УТРОМ, ЯРУШКА!

Ответственный редактор *Т. В. Вьюкова*. Художественный редактор *С. И. Нижняя*. Технический редактор *Н. Г. Леханова*. Корректоры *В. К. Мириногоф* и *Л. М. Николаева*.
Сдано в набор 4/V 1967 г. Подписано к печати 14/IX 1967 г. Формат 70×90^{1/16}. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 9,36. (Уч.-изд. л. 6,55). Тираж 100 000 экз. ТП 1967 № 368. Цена 32 коп. на бум. № 2.
Издательство «Детская литература». Москва. М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград. 2-я Советская 7. Заказ № 80.

